

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

**ВЕСТНИК
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
НАУК**

Сборник научных трудов

Выпуск 8

*Под редакцией
доктора социологических наук,
профессора И.Ю. Киселева*

Ярославль 2008

УДК 316+32(06)
ББК С5я43
В 38

*Рекомендовано
Редакционно-издательским советом университета
в качестве научного издания. План 2008 года*

Вестник социально-политических наук : сб. науч. тр.
В 38 Вып. 8 / под ред. проф. И.Ю. Киселева ; Яросл. гос. ун-т. –
Ярославль : ЯрГУ, 2008. – 120 с.

В сборнике нашли отражение наиболее актуальные проблемы отечественной истории, философии, культурологии, экономики, политологии, социологии и социальной работы.

Предлагаемый сборник адресован преподавателям, аспирантам, студентам гуманитарных факультетов университетов и институтов.

УДК 316+32(06)
ББК С5я43

Редакционная коллегия:

профессор И.Ю. Киселев (отв. редактор),
профессор Г.М. Нажмудинов,
профессор Е.Я. Слепцов,
профессор Ю.А. Головин,
профессор И.Ф. Албегова,
доцент И.Г. Шатохин,
доцент Л.Д. Руденко

© Ярославский государственный университет, 2008

И.Ф. Албегова

Кредитная система оценки знаний студентов как социальная инновация

Существенные перемены в высшей школе Российской Федерации в связи с подписанием Болонской декларации и необходимостью перехода на двухуровневую систему подготовки кадров объективно поставили ряд принципиально важных теоретических и практических задач и вопросов. Одним из них является постепенное освоение и внедрение кредитной системы оценки учебной деятельности студентов, что, по мнению автора, представляет собой социальную инновацию и служит одним из условий подготовки кадров для современного российского общества.

Внедрение социальных инноваций всегда требует усилий адаптивного характера, дополнительной психической активности тех людей, которые непосредственно включены в реализацию нововведений. При этом принципиальное значение имеет и выявление психологической установки субъектов (реципиентов) в процессе адаптации к нововведениям.

Отсутствие представлений о конечной, общей пользе инноваций обуславливает ограниченный, метафизический характер субъективного взгляда на нововведение. Он всегда отличается от концепции инноваторов, которые чаще всего представляют в этой системе интересы социальной макросистемы. Такие случаи порождают особенно противоречивые социально-психологические последствия инноваций, усложняют процессы адаптации к ним.

Предполагается, что высокая информированность относительно предстоящих изменений обеспечивает совпадение установки на теоретически и эмпирически обоснованную идею инновации (то есть объект) с установкой на практическое участие в инновационной деятельности (ситуацию), а также способствует адаптации к инновационным изменениям. В этом плане проведение в последние годы многочисленных конференций, семинаров, «круглых» столов,

курсов повышения квалификации по проблемам перехода на двухуровневую систему высшего образования в Российской Федерации и внедрения кредитной системы оценки знаний студентов стало важным условием повышения уровня адаптации как преподавателей, так и студентов вузов к обозначенной социальной инновации.

Учебная деятельность как вид человеческой деятельности в условиях современного российского общества приобрела ряд принципиально новых черт, изменилась ее мотивация, более разнообразными стали методы и методики, повысился уровень материально-технического обеспечения процесса обучения, активно внедряются инновационные технологии, принципиально меняются роли преподавателя и учащихся. Преподаватель, оставаясь по своему официальному статусу основным субъектом учебной деятельности, в большей мере приобретает черты фасилитатора, а учащийся, сохраняя статус, из объекта учебной деятельности все больше превращается в ее активного субъекта. Это происходит в силу ряда объективных и субъективных причин. Прежде всего, речь идет об изменении характера и содержания учебной деятельности, переноса акцента на самостоятельные виды деятельности студентов, значительное повышение их мотивации как к процессу обучения, так и к приобретению определенной суммы знаний и навыков. Эти обстоятельства привели к объективному требованию изменения системы оценки знаний студентов, что является естественным ходом событий, а не только результатом подписания Болонской декларации.

Например, в Ярославском государственном университете им. П.Г. Демидова более 20 лет на вступительных экзаменах по ряду дисциплин применялась 30-балльная система оценки знаний абитуриентов. Преподаватели математических дисциплин также осуществляли и осуществляют оценку знаний в балльной системе (от 10 до 30). На кафедре социальных технологий факультета социально-политических наук с 1 сентября 2006 года по всем читаемым дисциплинам внедрена балльная система оценок, с 2004 года разрабатывается система контрольных мероприятий оценки знаний студентов по каждой дисциплине. У каждого преподавателя существует своя шкала оценок и система баллов. Все эти мероприятия были важным подготовительным этапом и условием для перехода к кредитной системе оценки знаний студентов, практикуемой в европейских

странах, подписавших и ратифицировавших Болонскую декларацию.

В разных странах, где применяется кредитная система, стоимость одного кредита варьируется от 0 до 30 баллов или преподаватели сами предлагают его стоимость. Например, во Франции один кредит равен 20 или 17 баллам, в Италии – от 26 до 30, в Германии – от 5 до 1, а в Испании каждый профессор предлагает свою систему оценок, сводимую к семибалльной.

По сути, перечисленные страны – это страны-«регионы» одного супергосударства с движением рабочей силы и капиталов, близким к свободному. Каждая из них имеет ряд достижений и особенностей системы образования.

Болонская декларация не предполагает отмены национальной системы оценивания, что позволяет российским вузам апробировать разные варианты оценки знаний студентов. Кредиты, по мнению автора, это ориентиры для самостоятельной оценки знаний студентами. Предлагаемая система ECTS (European Credit Transfer System) включает все компоненты программы (учебного плана), которые описываются в терминах количества кредитов пропорционально, как правило, объему работы студента. Например, шестьдесят кредитов равны одному полному академическому году обучения, а один кредит примерно соответствует 24 – 30 рабочим часам. При этом учитывается время лекций, семинаров, практических работ, время, затрачиваемое студентом на подготовку и сдачу экзаменов, написание курсовых работ и т.д. Кредиты затрагивают все виды обучения: курсы, модули, выпускную работу и т.д. Кредиты – это мера трудоёмкости учебного плана для студента. По мнению автора, кредиты не имеют никакого отношения к объёму педагогической нагрузки преподавателя, рассчитываемой по известным правилам.

Применение кредитной системы оценки знаний у российских студентов облегчит решение проблемы сопоставимости приложений к диплому и сделает его конвертируемым. На практике это может быть осуществлено следующим образом: если любой учебный план выражен в кредитах, то возникает прямая сопоставимость приложения к диплому по трудоёмкости, а ее пересчет из академических часов в кредиты – простая арифметическая задача. При этом может возникнуть только содержательная трудность: структура трудоёмкости различна в разных образовательных системах. На-

пример, в США это 1 – 2 – 3, где на 1 час лекций приходится 2 часа практических занятий и 3 часа (методически поддержанной) самостоятельной работы студента. В вузах Европы соотношение таково: 2 – 2 – 2, а в российских вузах: 3 – 2 – 1.

По мнению автора, введение системы кредитов снимает проблему сопоставимости по академическим часам, скрывая структуру трудоёмкости конкретной дисциплины. Все кредиты засчитываются студенту при условии сдачи экзамена на положительную оценку. И кредиты, и оценки записываются в приложении к диплому. В этом смысле проявляется кумулятивная функция ECTS – кредиты складываются в общую сумму 30 кредитов в семестре и 240 за 4 года бакалавриата.

Переход на кредитную систему оценки знаний студентов должен поднять, прежде всего, уровень мотивации к учебе у студентов. Предполагается активизация их присутствия на занятиях, повышение активности на семинарах, привитие им навыков грамотного конспектирования, активное освоение инновационных методик и технологий самообучения. Планируется также поднять интерес студентов к результатам своей деятельности (оценкам текущей успеваемости, итоговым оценкам, срезам остаточных знаний и т.д.), а также приобретению компетенций, то есть умений применять полученные в аудиториях знания в игровых, нестандартных, жизненных ситуациях.

Переход на кредитную систему оценок знаний студентов объективно требует от преподавателя активной разработки и использования новых форм методического обеспечения учебного процесса (УМК, КОПРов, ридеров, кейсов, тестов и т.д.), активного использования компьютерных технологий (Интернета, дистанционных форм обучения и т.п.).

Традиционно в российской высшей школе знания студентов оценивались с применением различных систем оценок (от устных ответов на семинарах, коллоквиумах, зачетах, экзаменах до современных компьютерных опросов – тестов с использованием контрольных измерительных материалов, сокращенно КИМов). Сегодня появилась дополнительная возможность оценивать каждую составную часть учебной деятельности студентов в виде кредитов. По сути, возник новый принцип оценки знаний – введение балль-

ной системы. Оценке в баллах подлежат все составляющие учебной деятельности.

Постепенное введение кредитной системы оценки знаний студентов в российских вузах, по мнению автора, это индивидуально окрашенная социальная инновация как для преподавателей, так и студентов. Только сам преподаватель может определить «стоимость» одного кредита в зависимости от учебной дисциплины, ее специфики и длительности преподавания (семестр, год и более). На «стоимость» кредита также влияют количество видов контрольных мероприятий, определенных преподавателем (конспектирование с использованием авторского ридера, конспектирование первоисточников на языке автора, работа со словарями русского языка и специальными по дисциплине, число коллоквиумов, участие в ролевых играх и их качество, просто присутствие, активное присутствие, тестирование и т.д.). Данная социальная инновация дает студенту возможность проявить себя активным субъектом учебного процесса или, по крайней мере, приобрести его свойства.

В социальном смысле субъект – это автор выбора, в данном конкретном случае студент имеет возможность выбора мероприятий для получения одного кредита по дисциплине.

Таким образом, рассматривая кредитную систему оценки знаний студентов как социальную инновацию, можно отметить ее позитивное значение для повышения активности субъекта учебной деятельности и оптимизации функций преподавателя в условиях перехода к двухуровневой системе образования в высшей школе Российской Федерации в 2009 году.

М.В. Афонин

Проблема контроля над оружием массового уничтожения в повестках дня саммитов «Группы ВОСЬМИ»*

Проблема контроля над оружием массового уничтожения (ОМУ) и разоружением является ключевой в деле обеспечения международной безопасности и стабильности. В условиях, когда процесс контроля над вооружениями приобрел глобальный характер, в числе приоритетных оказалась задача эффективного предотвращения распространения ОМУ, прежде всего, ядерного. Ядерное сдерживание и распространение ядерного оружия – ключевые понятия в проблематике международной безопасности на протяжении более полувековой истории мировой политики. Они сохраняют актуальность и важность в настоящее время и останутся такими в обозримом будущем, хотя и претерпевают глубокую трансформацию под воздействием динамики международных отношений и научно-технического развития.

После окончания «холодной войны» мировое сообщество какое-то время питало иллюзии, что ядерное противостояние быстро закончится и накопленные арсеналы массового уничтожения будут упразднены. Но в реальности получилось иначе. Окончание «холодной войны» в течение последовавших двух десятилетий повлекло не столько ликвидацию ядерных потенциалов, сколько демонтаж режима и процесса ограничения и сокращения ядерного оружия.

Следует отметить, что проблемы нераспространения ядерного оружия оказывались одними из центральных, начиная практически с самого создания объединения в 1975 году (в виде «семерки», без участия СССР). Об этом свидетельствуют коммюнике, принимавшиеся главами участвовавших государств в финале каждой ежегодной встречи. С 1977 года, когда проходил Лондонский саммит,

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 07-03-02016а).

по настоящее время мы отмечаем все возрастающее внимание лидеров ведущих государств мира к проблемам нераспространения ядерного оружия.

17 июля 1991 года в Лондоне состоялась рабочая встреча президента СССР Михаила Горбачева с лидерами «семерки». Западные лидеры, достаточно хорошо осведомленные о процессах, происходивших в СССР в то время, выразили свою озабоченность относительно обеспечения сохранности советских ядерных арсеналов.

В 1992 году в Мюнхене и в 1993-м в Токио лидеры «Группы семи» устанавливали механизмы прямого взаимодействия по международно-политическим и экономическим вопросам уже с президентом России. Тогда же произошел отказ Белоруссии, Казахстана и Украины от ядерного статуса в пользу России, что являлось предметом многочисленных переговоров.

В 1994 году в Неаполе Россия впервые приняла непосредственное участие в саммите. Его первая часть прошла в «семерочном» формате, а вторая – в формате «восьмерки» с участием российского президента.

На саммите 1995 года в Галифаксе было принято предложение России о проведении в апреле 1996 года в Москве саммита «восьмерки» по ядерной безопасности под сопредседательством президентов России и Франции.

В Лионе в июне 1996 года по предложению России встреча прошла в три этапа: первый (в формате «семерки») был посвящен рассмотрению ряда международных экономических вопросов, второй и третий – обсуждению с участием России всего комплекса глобальных и внешнеполитических проблем.

Саммит в Денвере в 1997 году впервые полностью проходил от начала до конца в формате «Группы восьми». В его итоговом коммюнике члены группы признали, что Россия «завершает историческую трансформацию в демократическое государство с рыночной экономикой». А Россия тут же предложила развивать сотрудничество «восьмерки» в сфере топливно-энергетической безопасности и провести в марте 1998 года в Москве министерскую встречу по проблемам мировой энергетики.

Саммит 1998 года в Бирмингеме был посвящен трем основным темам: занятость, борьба с международной оргпреступностью, гло-

бальные экономические вопросы, включая кризис в Юго-Восточной Азии. По предложению России была обсуждена проблематика мировой энергетики, а также принято решение о проведении в октябре 1999 года в Москве министерской конференции по борьбе с организованной преступностью.

Саммит «Группы восьми» в июне 1999 года в Кельне был посвящен обсуждению вопросов глобального экономического развития. В его ходе Россия предложила разработать к следующей встрече «Концепцию мира в XXI веке», а также подготовить выступление «восьмерки» на саммите тысячелетия ООН в сентябре 2000 года о правовых аспектах применения силы в международных отношениях и создании глобальной системы контроля за нераспространением ракет и ракетных технологий.

На саммите 2000 года в Окинаве Россия активно продвигала тезис о социально ответственной глобализации, а также много говорила на темы стратегической стабильности, борьбы с международным терроризмом, информационной безопасности, интеграции России в мировую экономику, урегулирования на Корейском полуострове.

На саммите 2001 года в Генуе основная дискуссия развернулась вокруг проблем обеспечения устойчивого развития человечества в условиях глобализации, включая аспекты борьбы с бедностью и преодоления разрыва между высокоразвитыми и развивающимися государствами в сфере здравоохранения, образования, новейших технологий. Также в Генуе было принято решение о дополнительных мерах по открытию национальных рынков государств «восьмерки» для товаров из развивающихся стран. Россия в этой связи заявила о присоединении к инициативе ЕС «Все, кроме оружия». А после сентябрьских терактов в США по инициативе российской стороны лидеры «восьмерки» приняли Совместное заявление, закрепляющее антитеррористическую деятельность в качестве одного из центральных направлений деятельности «Группы восьми».

Саммит 2002 года в Кананаскисе стал знаменательным для России: на нем было принято решение о передаче нашей стране в 2006 году функций председателя «восьмерки». Кроме того, на нем обсуждались проблемы упрочения международной безопасности и стратегической стабильности, укрепление режимов нераспростра-

нения ядерного оружия, контроля над вооружениями и разоружения. Участники встречи вновь затронули вопросы глобальной борьбы с бедностью, а также африканские проблемы. Основным же решением можно считать учреждение Глобального партнерства «Группы восьми» против распространения оружия и материалов массового уничтожения (ГП). Основная задача виделась лидерам в пресечении деятельности террористов или тех, кто укрывает их, направленной на приобретение или разработку оружия массового уничтожения. В их Заявлении был очерчен круг проектов сотрудничества, в соответствии с этой инициативой нацеленных на решение проблем нераспространения, разоружения, борьбы с терроризмом и ядерной безопасности¹. К числу приоритетных задач они отнесли уничтожение химического оружия, демонтаж снятых с эксплуатации атомных подводных лодок, утилизацию расщепляющихся материалов и трудоустройство бывших ученых-оружейников. Согласно принятым на себя обязательствам восемь государств обещали выделить в течение 10 лет 20 млрд долл. на программы содействия России в области разоружения и нераспространения ОМУ и средств его доставки².

Саммит-2003 в Эвиане проходил на фоне войны в Ираке. На нем активно обсуждалась борьба с терроризмом и была создана Группа контртеррористических действий (ГКД), нацеленная на оказание конкретной помощи третьим странам в борьбе с террором. В Эвиане Россия впервые приняла непосредственное участие в подготовке всего пакета документов саммита по финансово-экономической проблематике и выдвинула концепцию обмена долгов развивающихся стран на инвестиции в их экономику, а после саммита предложила досрочно погасить часть своей задолженности Парижскому клубу. Кроме того, на этой встрече было принято новаторское для «Группы восьми» решение о развертывании сотрудничества на наиболее перспективных направлениях научно-технического прогресса: в водородной энергетике, био- и агротех-

¹ G8 Global Partnership Annual Report, G8 Senior Group, June 2005, G8 Gle-neagles Summit // http://www.fco.gov.uk/Files/kfile/Post_G8_Gle-neagles_GPWGAnnualReport2005.pdf. Р. 6 (дата обращения: 22.03.2008).

² См.: Тимербаев Р.М., Хлопков А.В. Режим ядерного нераспространения на современном этапе и его перспективы // Научные записки ПИР-Центра. 2004. № 1 (25).

нологии, глобальном мониторинге изменения климата. Кроме того, в 2003 г. – перед саммитом – к Глобальному партнерству присоединились еще пять европейских государств: Норвегия, Нидерланды, Финляндия, Швеция, Швейцария. Таким образом, объемы средств, обещанных со стороны стран-участниц Глобального партнерства для реализации программы, составили сумму порядка 18,9 млрд долл. – т.е. достаточно близко к задекларированному потолку в 20 млрд долл. При этом доля европейских стран (без России) составляет почти 6 млрд долл.

На саммите-2004 на Си-Айленде была продолжена тема борьбы с терроризмом и принята Инициатива по безопасному и упрощенному порядку международных поездок (САФТИ), которая предусматривает 28 конкретных направлений сотрудничества. К саммиту «восьмерки» о присоединении к Глобальному партнерству в качестве доноров заявили Австралия, Бельгия, Чехия, Дания, Ирландия, Южная Корея, Новая Зеландия, однако их взносы исчисляются всего лишь десятками тысяч долл. План действия «Группы восьми», принятый на встрече на высшем уровне в Си-Айленде в 2004 году, предполагал ряд действий, уменьшающих риск быстрого увеличения ядерного оружия и приобретения ядерных материалов и технологий террористами. Он включал в себя поддержку проектов, «направленных на уменьшение в течение длительного времени использования высокообогащенного уранового топлива в исследовательских реакторах во всем мире, на обеспечение новым высокообогащенным урановым топливом и его утилизацию, на обеспечение контроля за радиационными источниками, на усиление экспортного контроля и безопасности границ...»³. Ключевая роль в реализации данного плана отводится Глобальному партнерству как механизму координации совместных усилий договорившихся сторон.

Саммит-2005 в Глениглсе наибольшее внимание уделил выработке общих подходов «Группы восьми» к проблематике развития Африки и преодолению негативных последствий глобальных кли-

³ William C. Potter. A Practical Approach to Combat Nuclear Terrorism: Phase Out HEU in the Civilian Nuclear Sector (Paper prepared for the International Conference on the G8 Global Security Agenda: Challenges and Interests: Toward the St. Petersburg Summit, Moscow, Russia, April 20-22, 2006) // <http://pircenter.org/index.php?id=222> (дата обращения: 22.03.2008).

матических изменений, а также развитию экологически чистой энергетики. В Заявлении о нераспространении, утвержденном в Глениглсе в июне 2005 года, в пункте «Ядерная безопасность» также содержится косвенная ссылка на стремление к уменьшению использования высокообогащенного топлива. В нем также указывается на поддержку учреждения Инициативы по глобальному уменьшению угрозы и приветствуется «продвижение, которое было сделано к настоящему времени»⁴. Годовой отчет Глобального партнерства за 2005 год также отмечает «сотрудничество России и Соединенных Штатов в сфере преобразования исследовательских реакторов, использующих низкообогащенное топливо» и возврат высокообогащенного топлива российского происхождения «из множества стран, большинство которых не вовлечено непосредственно в Глобальное партнерство»⁵.

В Заявлении по вопросам нераспространения, принятом 16 июня 2006 года на саммите в Санкт-Петербурге, особо подчеркивается, что «распространение оружия массового уничтожения и средств его доставки вместе с международным терроризмом остается серьезной угрозой международному миру и безопасности. В этой связи международное сообщество должно дать твердый отпор этому вызову и действовать решительно с тем, чтобы справиться с этой угрозой. Мы подтверждаем нашу решимость и приверженность действовать сообща, а также совместно с другими государствами и организациями в борьбе с распространением оружия массового уничтожения, включая предотвращение его попадания в руки террористов»⁶.

Первые годы сотрудничества в рамках «Группы восьми» показали, что ее участники способны не только решать узкий круг проблем, оговоренный в документах Кананаскиса, но и концентрировать средства и усилия заинтересованных стран для полномас-

⁴ Gleneagles Statement on Non-Proliferation// http://www.fc.gov.uk/Files/kfile/PostG8_Gleneagles_CounterProliferation.pdf (дата обращения: 22.03.2008).

⁵ Statements at prior G8 Global Partnership summits // <http://www.g7.utoronto.ca/summit/2006stpetersburg/nonprolif.html> (дата обращения: 22.03.2008).

⁶ Заявление по вопросам нераспространения // <http://g8russia.ru/docs/20.html> (дата обращения: 22.03.2008).

штабного сотрудничества по актуальным вопросам нераспространения. Очевидно, что только стабильная и предсказуемая работа по реализации намеченных проектов, а также дальнейшее расширение сферы деятельности сможет создать предпосылки для выполнения намеченной цели – усиления Борьбы с распространением оружия массового уничтожения.

Среди общих достижений «Группы восьми» последнего времени – эффективная, скоординированная работа всех членов этого форума, позволившая консенсусом принять Международную конвенцию о борьбе с актами ядерного терроризма, инициированную Россией. Эта конвенция создала предпосылки для завершения работы в ООН над проектом всеобъемлющей конвенции по международному терроризму, которая и была принята на 60 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке 14 сентября 2005 года⁷.

⁷ См.: Федеральный закон от 2 октября 2006 г. № 158-ФЗ «О ратификации Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма» // Российская газета. 2006. 5 окт.

Ю.В. Бабак, М.В. Афонин

Институт ювенальной юстиции как элемент системы защиты прав ребенка

Проблема защиты прав детей, формирования особого порядка судопроизводства в отношении несовершеннолетних, совершивших противоправные действия, не нова. Уже в Римском праве, более поздних правовых актах средневековья, а тем более законодательстве ряда Европейских стран предпринимались попытки защитить права несовершеннолетних и оградить их от жестокой кары за совершенное деяние.

В настоящее время Конвенция ООН по правам ребенка, участницей которой является Россия, обязывает государства совершенствовать правовой механизм, препятствующий нарушению прав несовершеннолетних. Национальная политика в отношении молодежи, включающая защиту и заботу о различных ее группах, выступает истинным показателем справедливости общественного устройства, легитимности власти. Специализация в сфере правовой защиты гражданских прав в зависимости от категории лиц, чьи права подлежат защите, является мировой тенденцией, поскольку специализированные правозащитные органы обладают большими возможностями, чем органы общей компетенции, по восстановлению нарушенных прав, анализу ситуации, приведшей к их нарушению, по выработке рекомендаций превентивного характера¹.

Применительно к защите прав несовершеннолетних мировая практика выработала специальные механизмы, образующие в своей совокупности систему ювенальной юстиции. В уголовно-процессуальном законодательстве большинства стран производство по делам несовершеннолетних имеет определенную специфику. В одних она выражена более четко, в других – менее, что зависит от многих факторов: системы права, исторического пути развития

¹ См.: Лукашук И.И. Международное право в судах государств. СПб., 1993. С. 134-135.

и др. Однако наделение судопроизводства по данной категории дел рядом особенностей является общей тенденцией.

В узком понимании ювенальная юстиция сводится к системе специальных судов, которые рассматривают только дела по обвинению несовершеннолетних. Соответственно предполагается специализация судей, их психологическая и педагогическая подготовка, участие в процессе профессиональных психологов и педагогов. В широком смысле ювенальная юстиция – система расследования, рассмотрения уголовных дел и исполнения приговоров в отношении несовершеннолетних². Это означает, что как только в качестве подозреваемого возникает фигура несовершеннолетнего, так все производство по делу – дознание, следствие, судебное разбирательство, исполнение приговоров – осуществляется специализированными органами и должностными лицами. При этом обязательно участие адвоката и сопровождение социальным работником. Реализация системы ювенальной юстиции в широком смысле предполагает принятие соответствующих законодательных актов и формирование органов, осуществляющих всю процессуальную деятельность в отношении несовершеннолетних. Возможны промежуточные варианты, например, суды по делам несовершеннолетних и обязательное сопровождение со стороны социальных работников, включая процесс отбывания наказания.

При создании первых судов для несовершеннолетних были выдвинуты два основных требования: специализация процесса и упрощение судопроизводства. Специализация процесса реализовывалась в нескольких формах: слушание дел о несовершеннолетних в особых помещениях, отдельно от рассмотрения дел взрослых подсудимых; отделение несовершеннолетних от взрослых в местах предварительного заключения; и выделение для слушания таких дел специализированного судьи по делам несовершеннолетних. Упрощение судопроизводства обосновывалось необходимостью сокращения вредного влияния на детей и подростков самого процесса рассмотрения дел в суде. Поэтому в судах для несовершеннолетних была предусмотрена замена формальной судебной про-

² См.: Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: Учебное пособие для вузов. М.: Фонд НАН, 2000. С. 23.

цедуры беседой судьи с подсудимым, причем при закрытых дверях.

Что же касается современных подходов к ювенальной юстиции, то при реализации ею функций судебной власти приоритет суда для несовершеннолетних в судебном процессе выражен даже более ясно, чем в суде общей юрисдикции, поскольку в суде для несовершеннолетних центральными действующими фигурами на протяжении всего судебного процесса являются судья и несовершеннолетний. Максимальная индивидуализация процесса в суде для несовершеннолетних делает роль судебной власти более конкретной и рельефной в отношении как конкретного несовершеннолетнего, так и общества в целом³.

Воспитательная (социально-реабилитационная) направленность ювенальной юстиции определила три ключевых положения, которые регулировали ее деятельность: 1) дети-правонарушители подлежат заботе и попечению; 2) суд берет на себя управление этим процессом; 3) судебное производство рассматривается скорее как спор об опеке, чем уголовный процесс.

Институты ювенальной юстиции как альтернатива уголовному карательному подходу, как способ реагирования на массовые социальные проблемы молодых людей завоевали себе сторонников во всем мире.

Вместе с тем, ювенальная юстиция породила целый комплекс несудебных, даже неюридических органов, которые призваны ее обслуживать, имеют вспомогательные функции и нередко в ходе исторического развития ювенальной юстиции начинали активно вытеснять суд как орган правосудия.

Таким образом, благодаря развитию института ювенальной юстиции защита прав детей выходит на более высокий уровень, позволяя в еще большей степени учесть особенности субъекта правонарушения.

³ См.: Социальная защита семьи и детства: Учеб.-метод. пособие. СПб., 2004. С. 84.

Вопрос об исходном пункте модерна/постмодерна

Идеологи постмодерна (далее – ПМ) именуют себя «постструктуралистами», «деконструктивистами», «грамматологами» и т.п., но все они, так или иначе, подчеркивают антимодернистскую направленность своей философии с острием против классического модерна, выражая его в категориях этно-фалло-фонологический централизма. Однако со стороны, как говорится, виднее, и данная самооценка поставлена под сомнение многими видными западными и отечественными философами. Так, Ю. Хабермас убедительно обосновал важный пункт о постмодернизме как завершении классического модернистского проекта, та же идея звучит у Мих. Эпштейна, А. Гидденса, ее вынужден был также признать постмодернист Ж.-Ф. Лиотар, из отечественных авторов в последнее время ее разрабатывает В.А. Кутырев.

Феномен ПМ мы понимаем, прежде всего, вслед за Мих. Эпштейном, как главную характеристику современного состояния общества и культуры, как дух времени, что в других аспектах выражают, например, термином «глобализация». Имея в виду объективность ПМ, будем отличать от него «постмодернизм», т. е. идеологию и философскую рефлексию по поводу ПМ. Внутреннюю связь ПМ и классической эпохи модерна хорошо передает хайдеггеровское слово «проект» или, не менее точно, особый термин или словечко из философии Мих. Эпштейна – «гипер», что чаще всего звучит в сочетании: «гиперреальность», в смысле модернизации реальности, производства искусственных вещей и отношений. Или, как об этом говорит сам Мих. Эпштейн: «делается попытка раскрыть взаимосвязь постмодернизма и модернизма, как двух звеньев одной культурной парадигмы, которая охватывается понятием «гипер»... <...> Тема данной работы – ... модернистские предпосылки постмодернизма в свете постмодернистских перспектив модернизма» [1]. Указанные фазы соотносятся как классическое и неклассическое состояния модерна (в классической стадии, при этом,

строится искусственная реальность, утопически проектируемая как истинная; в неклассической она вырождается и переводится в статус псевдореальности).

При таком объединении классического модерна и ПМ в некоторое целое возникает вопрос о его исходном пункте, а, значит, о сквозном принципе столь необычного целостного образования. Наша задача – отразить (до некоторой степени) этот вопрос. Переформулируем наш вопрос с учетом эпштейновской категории «гипер», дающей путеводную нить. Производство и воспроизводство гиперреальности происходит как технические модернизации. С этой точки зрения классический модерн и неклассический его период различаются как эпохи индустриальной и информационной революций. Та и другая совершаются на почве научной рациональности и научной революции. Следовательно, исходная форма модерна включает в себя некие вполне определенные структуры научной рациональности, но не в смысле парадигмы, а в смысле идеальной матрицы в цепочках технологических модернизаций. Что это за матрица?

Уже Ф. Бэкон высказывает идею, которая фактически стирает всякие различия между естественным и искусственным в пользу гиперреальности: «Глубоко укоренилось ошибочное мнение, считающее искусство и природу, естественное и искусственное чем-то совершенно различным... <...> В действительности люди должны проникнуться глубоким убеждением в том, что искусственное отличается от естественного не формой или сущностью, а только действующей причиной» [2]. Античному математику не могло и в голову прийти, справедливо отмечает П.П. Гайденко, «сближение (в пределе – отождествление) физического объекта с математическим, составляющее важнейшую предпосылку классической механики» [3] (оно достигнуто благодаря галилеевскому принципу инерции и ньютоновско-лейбницеvскому открытию дифференциального исчисления). Теперь «первое определение природы состоит в том, что она есть механизм» [4].

В самой науке механицизм был преодолен, но в прогрессирующей практике, в растущей мощи все новых и новых технологий он, напротив, только утверждался. Именно отождествление естественного процесса с механическим приводит к окончательной победе сознательно проектируемой гипер-реальности над первозданной

стихией и оттеснению последней в класс полулегальных, а иногда и нелегитимных объектов. В итоге во все сферы проникает имитация по принципу «псевдо» и «как бы». «Поэтому, – замечает Мих. Эпштейн, – категория реальности, как и всякое измерение в глубину, оказывается отброшенной» [5].

Стадия ПМ просто обнаружила во всеобщей форме и сделала видимой последнюю загадку модерна. Благодаря этой повсеместной наглядности механическая сущность модерна была осознана и самими постмодернистами. Своеобразным шедевром в этом отношении можно считать «машину желаний» Ж. Делеза и Ф. Гваттари.

✓ Литература

1. Эпштейн М. Постмодерн в России. М., 2000. С. 15, 16.
2. Бэкон Ф. О достоинстве и преумножении наук // Бэкон Ф. Соч. Т. 1. М., 1971. С. 158 -159
3. Гайденок П. П. Эволюция понятия науки (XVII – XVIII вв.) М., 1987. С. 12.
4. Там же. С. 15.
5. Эпштейн М. Указ. соч. С. 37.

Т.Р. Гайнутдинов

Имя “Другого”

Этого почти всегда оказывается недостаточно. Почти всегда требуется нечто большее, нечто, что обнаружит имя, или же вместо одного имени сможет подставить другое, поскольку здесь всегда может оказаться кто-то ещё – кто-то Другой.

Но “Другой” – это не имя собственное, учреждающее себя самим своим написанием. Мы говорим или прописываем “имя Другого”; мы сверяем “Другого” с Именем Бытия, выписывая на листе большую, заглавную букву, как и должно поступать с Именем, поскольку Имя всегда во главе, в начале предложения или смысла, у истоков Бытия. Но имя ли это вообще? И если да, то именованием чего/кого оно является? Может ли “Другой” быть подписью? И может ли подпись измышлять себе имя “Другого” (“другое” имя – другая подпись)? Что это за имя, что нельзя прочесть, что обра-

чивается пустотой и требует восполнения? Что это за имя, что чужается себя и стирает в себе любое имя, отдавая себя любому имени? Что это за имя, что остаётся непроизносимым, но даёт возможность произнести в себе любое имя?

Если “Другой” это не имя собственное и не может выступать под своим именем, то, возможно, “Другой” есть нечто, что во имя. Другой не может говорить от своего имени, пускать его в ход, как пускают в ход разбирательство о мошенничестве, подставных лицах и проч. (“другое имя”, как имя уловки, обмана и надувательства), поскольку “Другой” прежде любого имени. Прежде чем обрести имя (скорее даже обрасти именем) каждый из нас “Другой”, растворённый в толпе Вавилона. Может оказаться и так, что “Другой” есть некоторое бесконечное имя, а значит, и наилучшее из имён.

Но если всё же “Другой” не имя, не наибольшее из имен, каким оно воскресает в споре, то обращение становится безличным – некто другой, один из многих, чьё имя не знают, забыли или стараются не произносить. Имя “другого” становится именем пустоты и отсутствия, мы называем его вопреки молчанию, упрекая молчание в забвении имени – имени, которого нет. “Другой” совсем не стремится занять место имени, тем более имени Бога: “Бог – не Другой. Это – Бог” (Романо Гвардини). Скорее, “другой” предпочитает быть местом безымянности и безместности (это слово, которого нет в словаре, и быть не может, поскольку оно буквально без-места, оно неизвестно и безмолвно – оно перечёркивает, стирает, вымывает, выскабливает место, оставляя пространство ни с чем, пространство без имени) – местом уклончивым и скрытным, местом, открывающим себя другому. В любом случае, “Другой” лишён непосредственности имени, он “одалживает” себя у множества имён, но, вместе с этим, несёт в себе все слова и все имена, питает их изнутри, скрывая себя за ними. “Другой” лишён субъективности и персональности, он нечто неопределённое, но, в то же время, определяющее совместность-бытия-с-другим.

Другой всегда приходит прежде своего имени, прежде любого возможного имени. Он призрачен, поскольку постоянно разрушает своё собственное представление. Как в “Гамлете”, где всё начинается с явления призрака; или нет, всё же прежде – его ожидания (*“Марцелл: Ну что, опять сегодня появлялось? Бернардо: Я ничего не видел”* – акт I, сцена I, пер. М. Лозинский). Всё начинается с

предчувствия неминуемого возвращения неименуемого призрака. Призрака, которого ещё нет, но который уже был дважды и должен явиться вновь, вернуться и сделать это впервые, насколько можно прийти впервые, вернувшись невесть откуда. *“Входит призрак”* (акт I, сцена I), лишённый для нас какого бы то ни было имени или сущности. Это некоторый “не-объект”, нечто отсутствующее или исчезающее в самый момент своего появления. *“Входит призрак”* – это “неприсутствующее присутствующее”, что уже не имеет отношения к знанию, тем более знанию Истины. *“Входит призрак”*, открывая своим появлением такое не-место, где внешнее и внутреннее даны одновременно и вместе с тем не даны вовсе. *“Входит призрак”*, представляя себя взгляду, но взгляд не может идентифицировать его с абсолютной достоверностью. В этом свете – прозрачном свете – само понятие идентичности становится достаточно проблематичным. Призрак не имеет никакой идентичности, разве что идентичность “золы угасшй прах”. Когда Горацио во второй сцене первого акта сообщает Гамлету, что *“некто, как отец ваш, вооружённый с ног до головы”* три ночи кряду появлялся, Гамлет вопрос за вопросом, старается узнать большее. *“Гамлет: Вооружен, сказали вы? Марцелл и Бернардо: Да, принц. Гамлет: От головы до ног? Марцелл и Бернардо: От пят до темя”*. Особенно Гамлета интересует лицо призрака, поскольку лицо – это не просто некоторая очевидность присутствия другого, его открытая, лицевая сторона, иначе говоря, лицо – это не только то, что видят, но также и, прежде всего, то, что видит само, с чем можно обменяться взглядом: *Гамлет: Так вы не видели его лица? Горацио: Нет, как же, принц; он шел, подняв забрало. Гамлет: Что, он смотрел угрюмо? Горацио: В лице была скорей печаль, чем гнев. Гамлет: И бледен, иль багров? Горацио: Нет, очень бледен. Гамлет: И смотрел на вас? Горацио: Да, пристально”*. Но пристальности взгляда всегда не хватает чистоты и ясности “языка и голоса, во всяком случае, того, что именуется, даёт имя, или же вступает вместо имени”¹. Поэтому призрак одновременно прозрачен и скрыт: он эксплицирует свою открытость, но делает её неприисваемой. И в этом действии призрак как раз и представляется в качестве другого. Мы

¹ Деррида Ж. Призраки Маркса. М.: Logos-altera, изд-во “Ессе homo”, 2006. С. 23.

не можем говорить о другом, воспринимая его в качестве объекта, но мы можем и должны говорить с другим, обращаться к нему (Гамлет, обращаясь к призраку: “*Твой образ так загадочен, что я к тебе взываю*”). Иначе говоря, мы можем говорить о другом, лишь вместе с другим, обращаясь к нему в звательном падеже, приближаясь к нему как к недостижимому и неприкосновенному (призрака нельзя коснуться).

Призрак нарушит молчание лишь в пятой сцене, лишь здесь он обнаружит себя и своё имя (“*Я дух родного твоего отца*”). В этом разрыве двух сцен (взгляда и голоса) – призрачная логика имени “Другого”.

И.Ю. Киселев, А.Г. Смирнова

Россия в «Группе восьми»: восприятие идентичности и статуса*

Анализируя динамику развития отношений России сначала с «Группой семи», а затем – с государствами «восьмерки», эксперты делают вывод, что полноценное участие России в «Группе восьми» изменило данный институт. При этом справедливо было бы предположить, что с обретением членства в данном клубе изменилась и сама Россия. В статье будут рассмотрены особенности образа нашей страны в «Группе восьми». По нашему мнению, основная из них связана с тем, что обретение Россией статуса участника «Большой восьмерки» происходило на фоне *расхождений* образа России, конструируемого российским политическим руководством, и образа нашей страны, созданного лидерами других государств «восьмерки».

В качестве одного из ключевых факторов, лежащих в основе формирования *идентичности* государств-членов «восьмерки» выступают *разделяемые ценности*. В декларации об образовании «Группы шести», принятой в ходе саммита в Рамбуйе в 1975 г., от-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 07-03-02016а).

мечаются три ключевые характеристики, которым должны соответствовать государства-члены данного клуба: либеральная демократия, стабильная и растущая экономика, а также – глобальное управление¹. Значимость приверженности перечисленным ценностям ярко проявилась в период трансформации «Группы семи» в «восьмерку». Эксперты сходятся во мнении, что движение нашей страны к правовому демократическому государству и рыночной экономике стало одним из мотивов сближения «семерки» с Россией. Сомнения в приверженности СССР, а затем и России курсу на демократизацию и реформирование экономики использовались некоторыми политиками и экспертами в качестве аргумента в пользу исключения России из клуба². В целом, как подчеркивает В.Б. Луков, успехи и поражения нашей страны на пути интернализации ценностей западной цивилизации «... окрашивают весь менталитет Запада в отношении России как партнера по “восьмерке”»³.

Результаты исследований и экспертных заключений позволяют сделать вывод, что Россия по-прежнему воспринимается как не вполне разделяющая те ключевые ценности, приверженность которым выступает в качестве основания для членства в клубе. Так, незадолго до начала саммита в Санкт-Петербурге (2006 г.), специалисты Центра изучения внешней политики (Лондон, Великобритания), подготовили оценки нашей страны по 12 показателям, разработанным на основе декларации об образовании «Группы шести» (1975 г.). Среди этих показателей: открытость общества и свобода слова, система государственного управления и выборы, правовое государство, гражданское общество, стабильная и растущая экономика, инфляция, стабильность курса валюты и состояние рынка, уровень безработицы, объем торговли, торговые ограничения, состояние и политика на рынке энергоресурсов, наличие внятной точки зрения по ключевым международным вопросам. Каждый показатель позволяет оценить степень соответствия страны нормам

¹ Прив. по Hajnal P. The G8 System and the G20: Evolution, Role and Documentation. Hampshire: Ashgate, 2007. P. 146.

² Золотова Л.Г. Внешняя политика США и саммиты G-8. Научный доклад. М.: ИСКРАН, 2005. С. 21-29.

³ Россия в «Большой восьмерке»: путь к Кананаскису и далее. Цикл публичных дискуссий «Россия в глобальном контексте». Вып. 11. М.: Никитский клуб, 2002. С. 15.

«Группы восьми» по пятибалльной шкале, ранжированной от 1 балла – «полное соответствие» до 5 баллов – полное несоответствие. Согласно результатам данной исследовательской группы, Россия обнаруживает полное (5 баллов) или почти полное (4 балла) несоответствие по восьми показателям из двенадцати. По трем показателям (стабильная и растущая экономика, инфляция, стабильность курса валюты и состояние рынка, объемы торговли) демонстрирует отдельные примеры соответствия (3 балла)⁴.

Мы не ставим перед собой задачу подтвердить или опровергнуть приведенные данные. Характер приведенных оценок показателен сам по себе. Они могут не соответствовать действительности и даже полностью исказить реальность социально-экономической и политической ситуации в России. Однако во взаимодействии государств созданные образы играют подчас более важную роль, нежели характеристики действительности. В данном случае приведенные результаты позволяют сделать вывод, что «ценностный барьер» во взаимоотношениях России и других государств «восьмерки» все еще не преодолен.

Особенности идентичности оказали влияние на формирование *статусного компонента* образа России. В качестве примера подобного влияния служит доклад Трехсторонней комиссии. В нем представители политической и научной элиты государств «восьмерки» высказывали опасения, что Россия по причине несоответствия действий российского правительства демократическим принципам может оказаться «трудным партнером для стран Запада»⁵. Расхождение статуса члена клуба и характеристик идентичности России подтверждается также и тем, что некоторые эксперты склонны рассматривать образование «Группы восьми» как результат применения в отношении нашего государства «*стратегии вовлечения*» во взаимодействие с демократическими странами с целью приобщения к новым стандартам поведения. Например, Н. Злобин полагает, что решение именно данной задачи и лежало в основе предложения администрации президента США Б. Клинтона о включении России в состав «восьмерки». «Ни по экономическим, ни по политическим показателям она туда не попадает» – подчер-

⁴ Прив. по: Hajnal P. The G8 System and the G20.... P. 146-147.

⁵ Прив. по: Луков В.Б. Россия в клубе лидеров ... С. 164.

кивает эксперт⁶. Таким образом, членство России в клубе, особенно на начальных этапах, рассматривалось как вынужденная мера, нежели как результат расширения состава группы за счет появления равноправного партнера, способного сыграть существенную роль в разрешении проблем современного мира.

Данная особенность положения России в «Группе восьми» является отражением глубинного *статусного конфликта*. Он связан с существующим расхождением между статусом, на который Россия претендует в системе международных отношений, и статусом, которым ее наделяют другие государства «восьмерки». Как следствие, для России подобный статусный конфликт обусловил необходимость отстаивания принципов *равноправного сотрудничества*. Для остальных членов клуба определенную значимость приобрела «проблема соответствия» России занимаемому статусу. Так, по мнению Н. Злобина, спустя годы, в Вашингтоне ощущается разочарование от результатов применения «стратегии вовлечения»: надежды на то, что Россия подтянется до демократических стандартов, будучи внутри «Группы восьми», не оправдались. «Россия теперь в «восьмерке», и ведет себя так, как будто это ее право» – резюмирует эксперт мнение стран Запада⁷.

Приведенные характеристики идентичности и статуса России в «Большой восьмерке» позволяют сделать вывод, что в основе конструирования образа нашей страны в качестве члена клуба лежит *воспринятое несоответствие* разделяемых Россией ключевых ценностей, особенностей политического режима, а также – принципов построения экономических отношений в нашей стране и соответствующих характеристик других государств «восьмерки». Данная особенность восприятия идентичности России обусловила не только возникновение уже упоминавшегося ранее статусного конфликта, но повлияла также и на формирование *ролевой концепции* нашей страны. Вплоть до саммита в Кананаскисе (2002 г.), наряду с проблемами, предполагавшими обсуждение в формате «восьмерки», существовал также перечень экономических и финансовых вопросов, в решении которых Россия не принимала уча-

⁶ Злобин Н. Что делать? – Телеканал «Культура», 3.10.2004.

⁷ Злобин Н. Что делать? – Телеканал «Культура», 3.10.2004.

ствие. Фактически, ролевой репертуар нашей страны был существенно сокращен.

Вместе с тем изменения, которые произошли в России за последние годы, способствовали развитию взаимоотношений с государствами «Группы восьми». Следствием подобных изменений стало, в том числе, решение о проведении саммита 2006 г. в России. Данное решение свидетельствует также и о положительных тенденциях в восприятии государствами «восьмерки» идентификационного, статусного и ролевого компонентов образа нашей страны. Это является важным основанием для повышения эффективности работы данного международного форума с учетом интересов России и всего международного сообщества.

В.И. Корнилов

Особенности социальной политики в условиях рыночной экономики

Переход к развитым формам рыночной экономики в России с января 1992 года (либерализация цен, внутренней и внешней торговли, рынок капиталов, наемной рабочей силы, ценных бумаг, валюты и недвижимости и т.п.) наглядно продемонстрировал одну из важнейших ее закономерностей, кстати, хорошо известную ученым-экономистам в области истории экономических учений. Речь идет о том, что рыночная экономика сама по себе не только не обеспечивает достойный уровень жизни для основной массы населения, но и не гарантирует необходимый минимальный уровень благосостояния тем, кто от природы или в силу несчастного случая на работе или дома оказывается не в состоянии трудиться. Рынок не способен сам по себе обеспечить труженику безбедную старость, а человеку, потерявшему работу из-за кризиса с перепроизводством товаров, предоставить средства к существованию. История хозяйствования в условиях рыночной экономики любой страны, в том числе России, наглядно продемонстрировала необходимость вмешательства государства в отношения между капиталом (предпринимателем) и трудом (наемным работником) по

поводу распределения между ними созданного продукта и особенно прибавочной стоимости.

Следует признать, что советское государство, особенно начиная с середины 50-х годов по конец 80-х годов XX столетия, довольно много сделало в области социальной политики. Перечислим некоторые из них: восьмичасовой день при пятидневной рабочей неделе, минимальная заработная плата равнялась прожиточному уровню, пенсии составляли 60 – 70% к уровню средней зарплаты, бесплатное образование и медицинское обслуживание, доступность жилья, социально низкие цены на предметы и услуги первой необходимости и т.д. Другое дело, что социальная политика в своей основе носила более или менее уравнилительный характер и недостаточно ориентировала на соответствующее развитие экономики, т.е. ее меры были недостаточно связаны с темпами производительности труда. Это привело в конечном итоге, с одной стороны, к недовольству (отдельным слоям населения хотелось значительно больше зарабатывать и жить комфортно, как на Западе), а с другой – у государства, особенно на фоне падения цен на энергоносители и значительного снижения темпов экономического развития, все меньше становилось финансовых средств для обеспечения столь масштабных введенных тогда социальных гарантий.

С переходом к рынку сложившаяся на тот момент система социального обеспечения быстро начала разрушаться. Предприниматели, став владельцами бывших государственных предприятий путем их приватизации, взяли курс на получение собственных доходов не столько за счет роста производства, сколько путем роста цен на производимую продукцию, уменьшения фонда заработной платы вплоть до задержки зарплаты на несколько месяцев и даже лет.

Лишь с приходом В.В. Путина на пост президента РФ был наведен в этой области элементарный порядок. Тогда, когда в новый Трудовой кодекс была введена административно-уголовная ответственность предпринимателей за несвоевременную выплату зарплаты, общая задолженность по ней резко пошла на убыль. Все это позволило серьезным образом снизить социальную напряженность, что выразилось в значительном сокращении количества забастовок и пикетов по стране.

Однако курс на уход государства из социальной сферы неоправданно, на наш взгляд, продолжается. Об этом свидетельствует

принятый Госдумой РФ федеральный закон о монетизации социальных льгот ветеранам войны и труда, инвалидам, чернобыльцам, студентам и другим, социально незащищенным слоям населения (2004 год). Реализация закона послужила импульсом к мощным выступлениям пенсионеров. Он был задан самой властью, которая решила сэкономить на затратах на социальные льготы людям, живущим за чертой бедности или чуть выше ее. По оценкам экспертов, государство решило за счет монетизации уменьшить финансирование льгот из бюджета от 500 млрд до 1 трлн рублей. «Действие государственных органов послужили детонатором давно назревавшего социального кризиса, притом касающегося не только сферы социальной политики, но и всего комплекса отношений между властью и народом». (Ю.А. Левада) [4, 14].

Либеральный курс руководства страны в решении социальных вопросов проявляется и в том, что государство стремится к введению 100% оплаты коммунальных расходов населением, повышению доли платных услуг за образование и медицинскую помощь. Данная политика входит все в большее противоречие со статьей седьмой Конституции РФ, в которой записано: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [1, 6].

Все же российское государство, приступив с января 2006 года к реализации национальных проблем в области жилья, здравоохранения, образования и сельского хозяйства, тем самым невольно заявило о своей приверженности к норме, заложенной в статье седьмой Конституции РФ. Только из бюджета страны (не считая прочих источников) за последнее 2 года было выделено специально на осуществление нацпроектов 400 млрд рублей. В 2008 году на государственные приоритеты направят еще 300 млрд рублей. Граждане России почувствовали, что государство начало отдавать им старые долги в области социальных проблем. Например, в 2005 году общий объем жилищной ипотеки составлял 36 млрд рублей, а по итогам 2007 года – 400 млрд рублей. Благодаря реализации приоритетного национального проекта «Здоровье» рождаемость в стране за последние 2 года выросла на 8% и на треть снизилась естественная убыль населения [2].

Итак, история хозяйствования в любой стране, в том числе и нашей, свидетельствует о том, что рыночная экономика сама по себе не в состоянии обеспечить достойный уровень жизни основной массе населения. Вот почему сегодня в странах с развитой рыночной экономикой государство становится важнейшим регулятором социальных отношений, придавая им все более социально ориентированный характер.

✓ Литература

1. Конституция РФ. М.1993, ст. 7.
2. Конькова Е. Нацпроекты: два года спустя // Российская газета. 2008. 17 янв.
3. Михеев Н. Основы социального партнерства. М.: Юрист, 2004.
4. По материалам конференции, посвященный памяти Л.А. Годдона // МЭМО. 2006. № 3.

С.А. Кудрина

Предмет социологии духовной жизни: основные подходы

Одна из дисциплин, преподаваемых студентам специальности Социология – социология духовной жизни.

Существует ряд проблем, связанных со структурой данного курса, которая зависит от определения предмета. Это означает, что, в первую очередь, необходимо определить понятие «духовная жизнь». Есть множество представлений о его содержании, которые в смысле, значимом для социологии, в большей или меньшей степени сводятся к двум основным подходам. Первый подход – институциональный. Он основывается на расширительной трактовке самого понятия «духовная жизнь». Последняя понимается как совокупность так называемых институтов духовной сферы или, как выражаются структурные функционалисты, нематериальных подсистем общества: науки, права, искусства, религии, политики, образования. Поэтому социология духовной жизни сводится [1] к исследованию каждой из этих подсистем, и тогда социология рели-

гии, социология науки, социология искусства, социология права и т.д. предстают в качестве отраслей социологии духовной жизни, то есть оказываются включенными в нее, а также [2] к исследованию взаимосвязей и взаимозависимостей между этими подсистемами (содержание и характер этих взаимосвязей определяется базовыми мировоззренческими и методологическими положениями направления или школы). Один из вариантов такого подхода был представлен в марксистской социологии, методологической базой для которой служил исторический материализм.

Второй подход – аксиологический. Изначально он происходит из специфического определения духовной жизни как богообщения. Можно было бы сказать, что центральным понятием в рамках этого подхода служит понятие святыни, которая предстает как латентный фундамент социальных идеалов и основа ценностно-нормативной системы общества. В таком случае была бы возможна ситуация тождественности предмета социологии духовной жизни предмету социологии религии. Однако перенесение святыни из области метафизики в профанный мир, когда, кроме священного, появились более «приземленные» объекты поклонения, социологии потребовалось более широкое понятие. И этим понятием стало понятие «ценности». Его ввел в социологию Макс Вебер [1], разработав уникальный социологический метод отнесения к ценности. При этом необходимо строго разграничивать и ни в коем случае не отождествлять отнесение к ценности и оценку: оценка допустима в культурном критицизме, в философии, но не в науке. Его исследования, а также работы Питирима Сорокина послужили фундаментом аксиологического подхода. С точки зрения Вебера, всякое социальное действие и любую социальную норму необходимо рассматривать в их соотношении с ценностями. Вебер указывал на влияние доминирующей ценности религиозной этики на хозяйственную жизнь, политику, право, науку. Базовые положения ценностного подхода Питирима Сорокина к социокультурной динамике содержатся в следующем отрывке из его работы «Кризис нашего времени»: «Всякая великая культура есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство, или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, и главную, ценность. Доминирующие черты

изящных искусств и науки такой единой культуры, ее философии и религии, этики и права, ее основных форм социальной, экономической и политической организации, большей части ее нравов и обычаев, ее образа жизни и мышления (менталитета) – все они по своему выражают ее основополагающий принцип, ее главную ценность. Именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры. По этой причине важнейшие составные части такой интегрированной культуры также чаще всего взаимозависимы: в случае изменения одной из них остальные неизбежно подвергаются схожей трансформации» [2, с. 429].

К этому подходу относятся «социология надстройки» М. Шелера, учение Т. Парсонса о ценности как важнейшем элементе структуры социального действия. Ценность у Т. Парсонса предстает как высший принцип, на основе которого обеспечивается консенсус в социальной системе и подсистемах и сообщается соответствующее качество моральным нормам, делая их общеобязательными.

В рамках аксиологического подхода рассматриваются не только и не столько подсистемы общества, сколько различные по уровню аспекты, явления и процессы, которые можно объяснить методом отнесения к ценности.

✓ Литература

1. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
2. Сорокин П. Кризис нашего времени // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

С.Н. Кузин

Народное образование в Даниловском уезде (конец XIX – начало XX в.)

В краеведческой литературе общепризнанным является тезис о лидерстве Ярославской губернии в деле развития российского народного просвещения начала XX века. Практически по всем показателям, определяющим и уровень грамотности, и уровень образо-

вания, данная губерния опережала в два с лишним раза вдвое среднестатистические данные по империи. В этой связи вполне обусловлен интерес к постановке народного образования в означенном регионе.

Об общем состоянии сферы народного образования Ярославской губернии вполне можно судить по материалам Даниловского уезда, где все основные показатели (по числу школ на квадратные версты: училище на 35 квадратных верст, на количество жителей: одна школа на 1014 человек) соответствовали среднегубернскому уровню¹.

Начало формирования школьной сети в Даниловском уезде относится к 1866 году, когда ведомство государственных имуществ передало земству Середское и Вятское училища. В первой половине 1870-х ежегодно открываются новые училища и к 1877 году их численность уже достигла двадцати². Однако вскоре данный процесс изменил свой характер. Так, количество земских школ до 1902 года оставалось неизменным (20), между тем наблюдался опережающий рост церковно-приходских (29 школ). Это обстоятельство было связано с известным положением правительства о церковных школах. Как отмечает Н.В. Чехов, почти все уездные земства Ярославской губернии с конца 1880-х годов «прекращают увеличивать число своих школ и ассигновку на них и в то же время увеличивают постепенно пособие школам церковно-приходским»³.

В 1889 году Даниловская управа предложила передать все земские школы в духовное ведомство, аргументируя тем, что главное внимание следует акцентировать на профессиональном образовании. Но передача учебных заведений в ведение епархиального совета не состоялась из-за отсутствия у последнего необходимых средств. Ассигнований же земства в размере 6 тысяч рублей было явно недостаточно и поэтому духовенству отошла только Хабаровская школа. Между тем, постоянные правительственные инвестиции позволяли церкви расширять свое школьное строительство –

¹ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Фонд 549. Опись 2. Дело 901. Листы 2-3.

² Очерк деятельности Даниловского уезда по народному образованию в 1865 – 1904 гг. Сост. А.М. Никольский. Ярославль. 1906. С. 4-10.

³ Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х годов XIX в. СПб., 1912. С. 104.

удельный вес ЦПШ к 1903 году в уезде составил 67,2% (42 ЦПШ, около 2500 учащихся).

Особое значение Даниловское земство изначально уделяло профессиональному образованию. Уже в 1879 году управой был составлен доклад о введении в подведомственных ей школах ремесленного обучения. Но лишь в 1890 году было принято постановление земского собрания об открытии при Ермаковском училище рукодельного класса, а при Успенском и Вятском – кузнечного мастерства. В Середской низшей ремесленной школе (заведующий – С. Софронов), рассчитанной на 40 – 60 учащихся, было создано два отделения: слесарно-механическое и столярно-токарное, где в разные годы обучалось около 40 человек.

Такие же отделения, как и в Середской ремесленной школе уездный училищный совет в 1907 году просил открыть и при городском училище в с. Вятское, а также класс лепного мастерства при двухклассном училище в с. Заболотье.

В Даниловском уезде появилась первая в России низшая сельскохозяйственная школа – Шубино-Вахтинская. 28 сентября 1888 года владелец имения князь В.В. Оболенский заключил договор с Министерством земледелия об устройстве сельскохозяйственной школы второго разряда, для чего предоставлял 150 десятин пашни, скотный и конный двор, различного рода оборудование. Выпускники, имея только даже первые примитивные знания и навыки обращения с сельскохозяйственной техникой, по предложениям владельцев имений занимали рабочие места с весьма приличными по крестьянским меркам жалованиями.

Подобный успех получивших полный аттестат содействовал росту авторитета Шубино-Вахтинской школы. Начиная с 1896 года постоянно превышалась официальная норма комплекта учеников (20 человек), согласно которой Министерство земледелия и государственных имуществ выделяло средства на содержание учебного персонала. Причем возрастал удельный вес учащихся некрестьянского происхождения: на их долю за последнее десятилетие XIX века пришлось почти 54% всего состава воспитанников (92 человека) указанного сельскохозяйственного училища. В данном случае на выходцев из дворян приходилось 6%, чуть более (7%) – из семей священников, 10% – из чиновников, а почти 30% принадлежали к мещанам. Весьма показательным также можно признать и распре-

деление общего контингента учеников по месту жительства: около 30% были приезжими из других губерний, из оставшегося же числа лишь 27% относилось к уроженцам Даниловского уезда⁴.

При самой школе устраивались сельскохозяйственные выставки, ежегодно для населения проводились чтения по общеобразовательным и сельскохозяйственным наукам. Практиковалась выдача на прокат местным хозяйствам машин, а также безвозмездная помощь семенами и рассадой. Крестьяне могли воспользоваться и сельскохозяйственным складом с зерноочистительным пунктом⁵.

Конечно же, такой успех невозможен был без участия педагогического коллектива (управляющий – И.Н. Ельчанинов, учителя – Н.С. Исаков и С.И. Спафорьевский, законоучитель – о. Николай Успенский) и самого учредителя – князя В.В. Оболенского, определенно имевшего в правительственных кругах необходимые для финансирования своего учебного заведения связи. Не ограничиваясь ими, владелец имения на собственные средства обустроил помещение для новых ремесленных мастерских, приобрел коллекцию препаратов для изучения морфологии растений и животных, приборы для ведения метеорологических наблюдений. В результате окончившие школу обладали не только умениями обращаться с сельскохозяйственными машинами и знаниями по молочному хозяйству, но и знали основы менеджмента, а именно приобретали навыки по руководству наемными рабочими.

К 1914 году благодаря активным действиям прежде всего общественности в Даниловском уезде насчитывалось 46 начальных училищ, где обучалось 3373 учащихся, на 41 церковно-приходскую школу приходилось 1805 учеников. В уезде действовало два высших начальных училища: в Данилове и Вятском. Показатель доступности начального образования (количество учащихся на 100 человек населения) составлял 6,2, что соответствовало среднегубернскому уровню.

⁴ Очерк деятельности Даниловского уездного земства... С. 64.

⁵ ВЯЗ. 1903. № 21. С. 187.

Л.О. Кузьмичева

Расширение ЕС (2004): последствия для Общей внешней политики и политики безопасности Европейского союза

Интерес исследователей к последствиям расширения для развития консолидированной внешней политики Европейского союза стал очевиден еще накануне 2004 года. Экспертами строились самые разные сценарии возможного влияния новичков на дипломатию ЕС. Так, немецкий исследователь В. Вессельс предложил три варианта возможного поведения новых членов ЕС в области Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) ЕС: 1. Нейтральный (пассивное поведение и в целом следование за ключевыми игроками ЕС в сфере внешней политики, такими как Франция, Германия и Великобритания). 2. Пессимистичный (вступившие в ЕС страны будут руководствоваться национальными интересами, даже если они в итоге будут подрывать сплоченность ЕС по вопросам внешней политики). 3. Оптимистичный (активное и конструктивное участие стран Центральной и Восточной Европы во внешней политике ЕС, придание ей нового импульса, что повлечет укрепление статуса ЕС в качестве ключевого актора мировой политики). Немаловажную роль в анализе будущего поведения новых членов в ЕС играл и так называемый фактор «атлантицизма», который выражался в большом доверии стран-кандидатов к НАТО и США в качестве гарантов безопасности на европейском континенте.

Для отечественных экспертов «внешнеполитический» аспект расширения также представлял определенный интерес, хотя и вызывал противоречивые оценки. С одной стороны, утверждалось, что общая внешняя политика ЕС – одно из самых слабо развитых направлений политической интеграции. Вступление новых стран приведет к дальнейшему размыванию общей внешней политики ЕС. С другой стороны, часто звучали выводы о том, что расширение ЕС за

счет стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) наверняка усилит антироссийскую риторику в ЕС, изменит вектор российской политики Евросоюза, что приведет к охлаждению отношений между Россией и ЕС.

Прошедшие три с половиной года с момента крупномасштабного расширения позволяют сделать первые выводы о том, какой из сценариев вовлеченности новых стран-членов ЕС в ОВПБ реализуется на практике. В фокусе внимания предлагаемого анализа – роль и участие во внешней политике и политике безопасности ЕС четырех стран ЦВЕ, входящих в состав так называемой Вышеградской группы (Чехия, Словакия, Польша и Венгрия). Выбор был продиктован следующими обстоятельствами. Во-первых, предполагалось, что эти страны могут демонстрировать схожие интересы в сфере ОВПБ. Во-вторых, они могли бы задействовать формат «четырех» для предварительного согласования своих позиций по вопросам внешнеполитического сотрудничества ЕС, что сделало бы их роль более заметной, а влияние – более весомым.

Однако подобный сценарий взаимодействия не получил развития. Рассматриваемые страны демонстрируют разные подходы и предпочтения с точки зрения своего участия в общеевропейской дипломатии. Вышеградский форум практически никак не задействован для согласования их позиций по ОВПБ.

В целом следует учитывать несколько факторов при объяснении разной степени вовлеченности, несовпадения интересов рассматриваемых стран в сфере ОВПБ:

1. Внутриполитическая ситуация в странах. Для понимания позиции каждой из стран необходимо принимать во внимание, какое правительство или коалиция находятся у власти (в этой связи эксперты говорят о четырех возможных политических группах или их комбинациях: «автономисты», «европеисты», «интернационалисты» и «атлантицисты»);

2. Динамика эволюции ОВПБ и Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО);

3. Общее состояние трансатлантических отношений, а также двусторонние отношения рассматриваемых стран с США;

4. Общее состояние российско-европейских отношений, а также двусторонние отношения рассматриваемых стран с Россией;

5. Актуальные процессы в мировой и европейской политике.

Выводы о роли и влиянии рассматриваемых стран на Общую внешнюю политику и политику безопасности ЕС (и, в частности, на российскую политику Евросоюза) необходимо сделать для каждой страны в отдельности, а также в целом по Вышеградской группе.

Чехия. Страна придерживается «нейтрального» сценария поведения при формировании общей дипломатии ЕС. В основном Чехия следует за ключевыми игроками. Объяснение такой пассивности может быть найдено в периоде 1990-х годов. Тогда Восточная Европа выпала из орбиты внимания и интересов Чехии отчасти и из-за отсутствия общих границ с ними после распада Чехословакии. Страна участвовала в нескольких операциях в рамках ЕПБО, а в 2009 году она сформирует совместную мобильную «боевую группу» вместе со Словакией. Вклад Чехии составит 1200 человек. Что касается политики в отношении России, то в 1990-е годы между странами были достаточно прохладные отношения, во многом из-за неприятия Россией расширения НАТО на восток. Последнее время отношения строятся в достаточно конструктивном русле.

Словакия. Словакия может рассматриваться в качестве особого случая. Дело в том, что внешнеполитические приоритеты словацкого правительства неоднократно пересматривались в 1990-е годы. Результатом этой противоречивой политики стало отстранение Словакии от участия в первой волне расширения НАТО. Кроме того, высказывались опасения, что Словакия не сможет претендовать на вступление в Евросоюз в 2004 году. Поэтому Словакия постоянно находилась в статусе «догоняющей» остальные страны региона на пути евроатлантической интеграции. После вступления в ЕС наметился определенный дисбаланс между заявленными амбициями Словакии и ее реальными возможностями. Хотя Европейская политика безопасности и обороны неоднократно провозглашалась приоритетным направлением словацкой политики, действительная вовлеченность в операции в рамках ЕПБО составила порядка 40 человек, в то время как в миротворческих операциях под эгидой ООН участвует около 300 словацких военнослужащих. Внешнеполитические приоритеты Словакии также оказались размытыми. Многими экспертами высказываются опасения, что, декларируя цели на многих направлениях, Словакия, вероятно, не сможет добиться успехов ни на одном из них в силу ограниченно-

сти ресурсов. Справедливости ради необходимо отметить, что Словакия достаточно активна в Европейской политике соседства, особенно в тех инициативах, которые касаются Украины. С Россией у Словакии также сложились хорошие и конструктивные отношения, хотя она так и не выдвинула ни одной инициативы, которая касалась бы российской политики на общеевропейском уровне. Таким образом, внутривластный фактор оказался наиболее значимым в случае Словакии, что отразилось на поведении страны в сфере общей дипломатии ЕС.

Польша. Польша остается наиболее последовательным «атлантицистом» в регионе. Страна также демонстрирует наибольшую вовлеченность в формирование восточноевропейской политики ЕС. Другой вопрос, насколько конструктивной является активность Польши? В случае политики в отношении Украины вовлеченность Польши может рассматриваться в качестве конструктивной. Однако российская дипломатия Польши принесла двойственный результат. С одной стороны, тактика блокирования начала переговоров по новому договору между ЕС и Россией оказалась деструктивной и во многом испортила отношения как между ЕС и Россией, так и двусторонние отношения Польши и России. С другой стороны, канцлер ФРГ А. Меркель сделала важное заявление, что проблемы Польши с Россией – это и проблемы в целом Евросоюза и РФ. Таким образом, тактика Польши во многом стала катализатором сплочения общей дипломатии ЕС.

Венгрия. Венгрия проявляет достаточно высокую активность в рамках ОВПБ/ЕПБО, а также настроена на развитие тесных и конструктивных отношений с Россией. Во внешнеполитических приоритетах Венгрии крайне важен фактор венгерского меньшинства на территории других европейских стран. Именно поэтому Венгрия выступает наиболее активным адвокатом скорейшего вступления в ЕС Сербии и Хорватии, где проживают большие венгерские общины. Венгрия внесла вклад в несколько миссий в рамках ЕПБО, а именно: на территории Демократической Республики Конго, Судане, Палестине и Молдове.

В целом по Вышеградской «четверке» можно сделать следующие выводы:

1. «Атлантицизм» новых стран-членов был преувеличен. Хотя его степень различается в зависимости от страны, в целом, по мет-

кому замечанию Д. Краля, «рассматриваемые страны не оказались троянским конем США в Европе».

2. С уверенностью можно сказать, что «оптимистичный» сценарий их участия в ОВПБ за прошедшие годы не был реализован. «Четверка» центрально-европейских стран, в целом, достаточно пассивно (хотя и в разной степени) участвует в различных инициативах в рамках ОВПБ/ЕПБО, при этом практически отсутствуют собственные инициативы, которые получили бы серьезное рассмотрение на общеевропейском уровне.

3. Политика ЕС по отношению к России стала скорее разъединяющим фактором для Вышеградской группы. Блокирующая тактика Польши не получила поддержки со стороны Чехии, Словакии и Венгрии, ориентированных на построение прагматичных отношений с Россией.

4. Вопрос о дальнейшей вовлеченности и роли рассматриваемых стран в ОВПБ Евросоюза остается открытым. Внутриполитический контекст в странах региона и степень «европеизации» элит будут иметь очень важную роль для участия этих государств в построении Общей внешней политики и политики безопасности ЕС. Однако уже сегодня ряд тенденций свидетельствует о росте интереса и внимания к восточноевропейской дипломатии ЕС со стороны всех четырех стран. Ближайшая возможность для конкретных инициатив представится в первой половине 2009 года, когда Чехия будет председательствовать в ЕС. Предполагается, что «восточная» политика соседства (включая отношения с Россией) станет одним из главных приоритетов повестки, предложенной Чешской Республикой. Таким образом, негативный опыт 2007 года (блокирование переговоров по новому договору между ЕС и Россией со стороны Польши) не должен приводить к игнорированию и недооценке всего региона, а, напротив, способствовать более глубокому изучению происходящих там процессов, а также учитываться в российской дипломатии.

Н.В. Кукина

**Особенности выборов
в Государственную Думу РФ
(декабрь 2007 г.) как фактор дальнейшего
укрепления парламентаризма в России**

2 декабря 2007 года в России состоялись очередные, пятые по счету в постперестроечный период (с 1993 г. по настоящее время), выборы в Государственную Думу РФ. В политологической литературе они были охарактеризованы как исторические, поскольку их проведение позволило преодолеть психологически сложившееся в общественном сознании ощущение: сумеет ли постперестроечный Парламент России просуществовать по времени и количеству созывов дольше, чем его предшественница – царская Госдума. Так что результаты выборов убедительно продемонстрировали российскому обществу и мировому сообществу: страна, несмотря на все издержки представительной демократии, довольно прочно встала на путь парламентаризма¹. В этом заключается одна из самых основных особенностей прошедших выборов. Остановимся еще на нескольких, которые, на наш взгляд, решающим образом отличают выборы-2007 от предыдущих в Госдуму РФ.

Многие оппоненты (справа и слева) депутатской фракции "Единая Россия" считали довольно серьезной ошибкой принятие ею поправок в федеральное законодательство о выборах и проведении референдумов (2006 г.) на предмет снятия "порога явки", избрания депутатов только по партийным спискам, усиления юридической ответственности за высказывания экстремистского толка, запрета на формирование предвыборных политических блоков и т.д. Критики нововведений в законодательство полагали, что это может привести к резкому снижению общественного интереса к

¹ Подобного рода мнения базировались на результатах опроса общественного мнения, полученные ВЦИОМ, Левада-центром и ФОМ. Согласно им, граждане России на 61% высказались против отмены графы "против всех". Процент нежелающих в связи с этим голосовать возрос с 9 до 15%. [2]

выборам в высший представительный орган и в конечном итоге восстановлению однопартийной системы².

Однако явка на выборы оказалась выше, чем в 2003 году. В декабре 2007 года она составила 63,7%, а тогда – 55,8%. Это свидетельствовало о том, что для российского избирателя ответственность за судьбу своей страны в момент выборов – не пустой звук. Особенно, если принять в них участие призывает авторитетный президент. Активное участие президента России В.В. Путина в предвыборной кампании вплоть до его решения возглавить партийный список "Единой России", апеллирование к российскому избирателю на предмет поддержки его курса на восстановление статуса России как великой державы и преодоление "роковых" ошибок 90-х годов XX столетия дали соответствующий результат.

По мнению известного политолога Г. Павловского, «Путин никогда не пойдет на ликвидацию демократии, поскольку он желает установления стабильности в России не менее чем на 45 лет. Его стратегическая цель – создать власть и экономику, неуязвимые для будущих революционных потрясений. Согласно его замыслу, Россия должна вписаться в мировую архитектуру, чтобы стать неразрушимой» [6]. Основной избиратель это понял и соответствующим образом откликнулся. В ряде регионов страны (Чечня, Мордовия, Татария и др.) явка избирателей на выборы оказалась беспрецедентно высокой для всего постсоветского периода.

Прошедшие выборы не только закрепили многопартийность, но и позволили КПРФ и ЛДПР увеличить свою представительность в Государственной Думе РФ. И это произошло, несмотря на то что КПРФ в процентном отношении получила даже меньше голосов, чем на выборах в 2003 году. Тогда за нее проголосовало 12,4% избирателей, а 2 декабря 2007 г. – 11,6%.

Дело в том, что ликвидация одномандатных округов позволила увеличить весомость каждого процента при распределении депутатских мандатов среди партий, преодолевших проходной барьер в Госдуму РФ.

² По данным ВЦИОМ (2006 г.), только 14% респондентов оценивали деятельность Думы положительно, а 29% – отрицательно. Такая низкая её оценка была связана с тем, что она приняла ряд законов, ухудшающих жизнь населения. В числе их названы законы о монетизации льгот, реформах ЖКХ и т.д. [1]

При мажоритарной системе, как показывает практика выборов в Госдуму РФ, львиная доля депутатских мандатов по одномандатным округам доставалась кандидатам от «Единой России» и её сторонникам. От ЛДПР, например, ни один кандидат-одномандатник не побеждал в предвыборной гонке на выборах 1999 и 2003 гг.

Специфика прошедших выборов заключалась в том, что в них впервые участвовала партия «Справедливая Россия» (лидер – С. Миронов). Тем не менее она сумела преодолеть 7% проходной барьер и попасть в Госдуму РФ, получив 38 мандатов³. Значимость этого политического события состояла в том, что «Справедливая Россия», являясь левой партией, наряду с КПРФ официально декларировала социалистические ценности, считая, что будущее России возможно только на социалистическом пути. «... Нам нужны лидирующие проекты образования, культуры, воспитания, медицины и здоровья. «Инвестиции в человека» и есть инвестиции в развитие сферы воспроизводства человека. Только социализм может позволить осуществить такие инвестиции» [4].

Вместе с тем её руководство считает, что формирование социальной справедливости необходимо в большей мере сочетать с вековыми традициями многонационального государства в области экономики, политики, культуры и духовной жизни. Это во-первых. Во-вторых, хозяйственная политика должна базироваться на смешанной экономике как симбиозе лучших сторон плановой и рыночной экономики. В-третьих, построение социалистического общества должно идти посредством только реформ, одобренных обществом. Революция как метод разрешения социально-экономических и политических противоречий в стране полностью отвергается.

³ Вплоть до окончательного подведения итогов выборов имели место суждения из уст политологов о возможности непопадания партии в Госдуму. Так, в "Известиях" было дано интервью с двумя политологами Дм. Орловым и А. Чадаевым, которые на основании опроса общественного мнения и учета факта выхода из партийного списка "Справедливой России" ряда кандидатов в нескольких регионах, полагали, что у нее нет никаких шансов на попадание в Думу. На момент подсчета голосов после состоявшихся выборов, политолог С. Марков считал чудом, если "Справедливая Россия" перешагнет барьер в 7% [3].

Все это дало право идеологам «Справедливой России» выдвинуть концепцию «третьего социализма», которая отличается от оценки данного общественного строя в западном социал-демократическом, марксистско-ленинском толковании, тем более от сталинской интерпретации.

Левым избирателям позиция партии показалась удачной, раз многие из них за неё проголосовали. В свою очередь, это стало одной из причин, почему несмотря на отсутствие фактически антикоммунистической риторики в ходе предвыборной компании, за КПРФ было отдано в процентном отношении голосов меньше, чем в 2003 году. Тогда в телевизионном эфире, на радио и в газетах правого толка немало было материалов, по содержанию антикоммунистических. В 2007 году представители либеральных кругов призывали голосовать уже за КПРФ. Вице-президент фонда «Либеральная миссия» Н. Ясина отмечала: «Простой, трезвый расчет, здравая рациональность говорят: главное, чтобы у партии власти была хоть какая-то конкуренция, чтобы хоть как-то, пусть даже коммунисты могли остановить этот разгуливающий по российским весям безудержный и отвратительный "одобрямс"»⁴.

Обращает внимание на себя тот факт, что партии правого толка (СПС, Яблоко, Демократическая партия России и Гражданская Сила) еще в большей степени потерпели поражение, чем это наблюдалось на прошлых выборах. Суммирование процентов голосов избирателей, отданных за СПС и Яблоко в декабре 2003 г., свидетельствовало о возможности попадания в Госдуму РФ в случае их партийного объединения. Если теперь же сложить все голоса, отданные за партии демократического толка на выборах в декабре 2007 года, то их не наберется и 4%, а проходной барьер в Госдуму РФ – 7%.

Наконец, в результате состоявшихся выборов значительно возрос уровень репрезентативности политических партий, прошедших в Государственную Думу РФ. Если по итогам выборов в декабре 2003 года четыре политических партии («Единая Россия», КПРФ, Родина, ЛДПР) выражали в сумме 70,7% голосов избирателей, то в

⁴ Политобозреватель М. Соколов также высказывал предположение, что Зюганову перепадет часть голосов даже от антикоммунистов по принципу "Голосуй с пользой", чтобы в России была реальная оппозиция, многопартийность [7].

декабре 2007 те же четыре партии, но включая теперь «Справедливую Россию» вместо «Родины» – уже 91,7%.

Следовательно, предпринятые в преддверии выборов меры в области законодательства по усилению требовательности к партиям (рост численного ценза партии с 10 тыс. до 50 тыс., ужесточение отчетности по финансовым документам, запрет на создание блоков в ходе избирательной кампании и т.д.) привели не только к сокращению числа партий, участвовавших в выборах, но и возрастанию их ответственности перед избирателями за свои программные установки и выдвигаемые лозунги. На данный момент сложившаяся конфигурация политических партий в Госдуме РФ в наибольшей степени отражает политико-экономические и социальные интересы российского электората. Праволиберальные ценности – «Единая Россия» и ЛДПР, леволиберальные ценности – «Справедливая Россия» и отчасти КПРФ, и позицию политического центра занимает «Единая Россия». К тому же «Единая Россия», получив впервые конституционное большинство, в состоянии будет обеспечить функционирование Госдумы РФ как дееспособного парламента и преемственность стратегического курса В.В. Путина.

Таким образом, охарактеризовав ряд особенностей прошедшей выборной кампании в Госдуму РФ в декабре 2007 года, можно сказать, что несмотря на имеющиеся недостатки в деятельности высшего законодательного органа страны и основных политических партий, тем не менее российский избиратель будущее своей страны увязывает с окончательным утверждением полноценной многопартийной системы в России и функционирующей на этой основе системы парламентаризма.

✓ Литература

1. Данные ВЦИОМ // Труд. 2006. 22 окт.
2. Данные ВЦИОМ // Известия. 2007. 10 сент.
3. Марков С. Интервью "Российской газете" // Российская газета. 2007. 3 дек.
4. Миронов С. Будем строить третий социализм // Литературная газета. 2007. 28 нояб. – 4 дек.
5. Назмутдинов М. "Справедливая Россия": жизнь после смерти // Известия. 2007. 22 нояб.
6. Павловский Г. Тактика Путина – это определяемая определенность // Известия. 2007. 15 окт.

7. Соколов М. Феномен Зюганова // Известия. 2007. № 15.

8. Леика Н. Интервью // Новое время. 2007. № 26.

Г.М. Нажмудинов

К диалектике целостности человека

Проблема целостности человека – одна из актуальнейших широко обсуждаемых в современной отечественной философской антропологии¹. Как закономерное следствие этого, существует широкий разброс мнений по данной проблеме, которые условно можно объединить в три группы: две крайние, почти противоположные по смыслу и одна – как бы промежуточная.

Ряд авторов приходят к выводу о том, что человек как таковой – существо целостное по определению, онтологически, и иным, т.е. нецелостным быть не может, т.к. обладает сознанием, которое и выступает своего рода гарантом этой целостности. Другие авторы занимают не менее категоричную позицию, считая, что человек – опять же онтологически и по определению – не может быть (или стать) целостным существом по той причине, что в нем представлены и сосуществуют два принципиально противоположные качества – биологическое и социальное (некоторые авторы к ним добавляют и третью составляющую – культуру)².

Однако наиболее обоснованной представляется точка зрения, которую я обозначил как промежуточную. Ее сторонники, отходя от крайностей двух противоположных интерпретаций, подходят к проблеме целостности человека менее категорично, более взвешенно, с диалектических позиций³.

¹ См. исследования В.С. Барулина, В.Г. Борзенкова, П.С. Гуревича, Б.В. Маркова, В.Н. Сагатовского, Ю.М. Федорова, В.И. Филатова, Н.Д. Шимины, Б.Г. Юдина и др.

² Подробнее об этих подходах см.: Нажмудинов Г.М. Философская антропология... // Философия. Проблемные вопросы в курсе философии. Ярославль, 2007. С. 84-92.

³ Наиболее четко эта позиция представлена в исследованиях П.С. Гуревича. См., например: Гуревич П.С. Проблема целостности человека. М., 2004.

Прежде всего отметим очевидное: понятие целостности применительно к объектам различной природы должно пониматься с учетом их специфики. Так, целостность объектов неживой природы, органического мира и социальной реальности – это существенно различные типы целостности. Еще более специфичной является человеческая целостность.

Любой тип целостности не задан изначально, сам по себе. Она формируется или в процессе самоорганизации и эволюции объективной реальности, или в результате целенаправленной деятельности человека. Что же касается целостности самого человека, то она также не является предзаданной, записанной в генетическом коде, передаваемой по наследству. Вместе с тем нельзя вообще исключать возможность ее формирования. Но очевидно, что требуется приложение гигантских усилий со стороны прежде всего самого человека, а также окружающей его микро- и макросреды, в частности, соответствующих социальных групп, чтобы сложилась хотя бы *относительная* целостность человека. Обладающим абсолютной целостностью можно считать человека одержимого какой-то идеей, решившего целиком посвятить себя, саму свою жизнь достижению некоторой сверхцели. Абсолютно целостный человек – это фанатично преданный идее человек. В зависимости от характера этой идеи целостность человека может быть конструктивной или деструктивной.

Высокий уровень целостности свойствен также личностям, обладающим выдающимися творческими способностями. Как правило, это получившие всемирное признание деятели науки, искусства, духовные авторитеты, сумевшие в полной мере посвятить всю свою жизнь своему таланту.

Таким образом, абсолютная целостность характеризует людей, сумевших все стороны своей натуры подчинить или посвятить единой цели и таким образом реализовать себя. Подобные личности во всей истории человечества не массовое явление, а скорее редчайшее исключение. Для обычного, «среднего» человека, как правило, достижение уровня абсолютной целостности является нереальным. Во-первых, потому, что он такую задачу не ставит перед собой, вынужденно посвящая свою жизнь погоне за «хлебом и зрелищами». Во-вторых, по своей природе человек – самое противоречивое существо, «разрываемое» многочисленными дихото-

миями: между своей внутренней и внешней жизнью, природно-биологическими и социокультурными потребностями, свойственными ему аполлоническим и дионисийским началами, принадлежностью одновременно двум противостоящим мирам – индивидуально-экзистенциальному и социально-групповому, а также между стремлением к полной свободе и необходимыми ее границами, наконец, между жизнью и смертью как абсолютно исключаящими друг друга пределами человеческого бытия. Эти и другие дихотомии выступают в качестве атрибута последнего, в той или иной мере, но обязательно проявляясь в реальном существовании каждого индивида. Можно согласиться с мыслью об отсутствии непроходимых граней между их полюсами, более того, возможно – при определенных условиях – их взаимопроникновение, но несомненно одно: являясь диалектическими противоположностями, они одновременно и взаимополагают и взаимоисключают друг друга. Драма и драматургия этого взаимополагания – взаимоисключения носят исторический характер, развертываясь под воздействием конкретных социокультурных факторов.

Рассмотрение указанных дихотомий на материале истории различных этносов, культур и цивилизаций подтверждает наличие разного соотношения между их полюсами. В частности, анализ их истории показывает отсутствие гармонического соответствия между природно-биологической и социокультурной сторонами человеческого бытия. В равной мере это относится и к современным культурам и цивилизациям. Известно, что в результате взаимодействия сложнейшего переплетения различных историко-культурных условий и детерминирующих факторов в так называемом «цивилизованном» мире (к которому обычно относят западные страны) во второй половине прошлого столетия доминирующими у человека стали материальные потребности, вследствие чего природно-биологическая составляющая в современном человеке ограничивает, «вытесняет» духовную, тем самым лишая его подлинной сущности. Таким образом, создается реальная опасность разрушения человека, утраты его сущности. На фоне этой угрозы рассуждения о целостности человека начинают резко расходиться с действительным его существованием в современном мире. В связи с этим очередной раз возникает извечный вопрос – что делать человеку, чтобы преодолеть свою расщепленность и обрести целостность?

И.В. Попова, А.А. Буторина

Актуальные проблемы развития социальной структуры современного российского общества

Изучение актуальных проблем социальной структуры российского общества и влияющих на них факторов позволяет прогнозировать потенциально опасные тенденции в социальной структуре, планировать ее развитие, корректировать негативные аспекты процесса структуризации общества. Стабильное существование и эволюционное развитие любой социальной системы обеспечивается взаимосвязями и взаимодействиями социальных элементов, образуемыми объективными признаками их положения в социальной организации.

Социальная структура общества не является ригидной и застывшей, она предстает как саморазвивающаяся система, динамика изменений которой определяется множеством социальных, экономических, политических и других факторов. Динамика социальной стратификации современного российского общества характеризуется повышенной изменчивостью социальных процессов, углублением социальной поляризации и ростом конфликтности между социальными группами, развитием множественных форм собственности, существенными преобразованиями в сфере властных отношений, изменениями в уровне жизни.

В разные периоды времени и в разных социетальных условиях становятся доминирующими и создают основу стратификации общества различные группы стратифицирующих факторов. Выявить такие факторы важно не только для построения объемной модели социальной стратификации российского общества, но и для управления развитием страны.

В переходные исторические периоды актуализируется значимость взаимосвязей социальных элементов, имеющих субъективную природу. В условиях социальной нестабильности они могут

играть ведущую роль, иницируя и стимулируя трансформацию социальной организации системы. Данные исследований, проведенных в период реформирования экономической подсистемы в 90-е годы XX века, позволили обратить внимание на такой фактор, как территория проживания. Экономические изменения по-разному отражались в сознании людей, проживающих в разных регионах страны. Так, у представителей группы тех, кто отвечал, что никогда не сможет приспособиться к условиям жизни на новой территории проживания, этот результат выглядел следующим образом:

Таблица 1

Степень адаптированности, выявленная у респондентов, проживающих на разных территориях РФ в 1999 году (N=3806 по репрезентативной для РФ выборке, % от числа опрошенных)¹

Выделенная территория	%
Астрахань, Саратов, Волгоград	22,1
Липецк, Курск, Воронеж	44,5
Иваново, Киров, Кострома	37,3
Томск, Барнаул, Кемерово	33,3
Екатеринбург, Челябинск, Пермь	22,2
Иркутск, Красноярск	27,9
Хабаровск, Владивосток, Магадан	35,5
Краснодар, Ставрополь, Ростов	40,5

Данный результат демонстрирует существенную разницу в социально-экономическом самочувствии представителей российского общества. Это подтверждает гипотезу о том, что проблемы формирования социальной структуры связаны не только с ее качественными изменениями, складывающимися десятилетиями, так как

¹ Исследование проводилось Центром социологических исследований МГУ им. М.В. Ломоносова

сформировать устойчивые в экономическом и политическом отношении сословия очень трудно, сколько с самим качеством происходящих в обществе процессов.

Произошедшие изменения в экономической и политической жизни общества привели к усилению территориального фактора стратификации и усилили неустойчивость социальных связей.

В связи с переходом России к рыночной экономике механизм распределения ресурсов и доходов сопровождается большей дифференциацией доходов населения, чего не наблюдалось в период социалистического хозяйства. При этом не учитываются доходы, не декларируемые субъектами теневой экономики и просто граждан. Следовательно, в переходной экономике России коэффициент Джини может оказаться еще большей величиной по сравнению с официальными цифрами. Периоды экономических потрясений, высокой инфляции и т.п. сопровождаются усилением разрыва в доходах различных групп населения.

В 2007 году число семей с годовым доходом \$125-250 тыс. среди различных групп населения росло быстрее всего. Так, скорость их количественного увеличения (оно выросло на 164%) значительно превзошло скорость, с которой росло число семей в категории беднейшего среднего класса, определяемого годовым доходом \$16-25 тыс. на семью (13%). Число семей с годовым доходом более чем \$1 млн. составило около 200 тысяч.

Данные «Росгосстраха» лишь подчеркивают выводы Росстата о продолжении роста социального расслоения российского населения по доходам в 2007 году².

Таким образом, высокий уровень экономического неравенства и его последствия относятся к числу узловых социальных проблем, порождаемых социальной структурой современного российского общества.

Еще одной социально значимой проблемой, связанной с социальной структурой российского общества, является маргинализация больших социальных групп населения.

Новая социальная структура не возникает в один момент, она рождается в недрах старой структуры и является её логическим

² Шишкин М. Средний класс прирастает сверху// Коммерсантъ. 2008. № 31(3848). 27 февр.

продолжением. Нарождение новой структуры знаменует появление пограничных, промежуточных маргинальных социальных объектов. В данном случае маргинальность как явление связано с процессами изменения, обновления и перестройки социальной структуры. Она означает сочетание в социальном субъекте элементов старых и новых структурных связей, включение его в разные отношения, вследствие чего маргинальный субъект приобретает противоречивый социальный статус.

Становление новой социальной структуры также связано с массовой десоциализацией и ресоциализацией, с потерей самоидентификации и неопределенностью социального статуса, с переходом значительного количества людей из одних социальных групп в другие группы. Индивиды из низших социальных слоев в определенной степени представляют собой продукты распада компонентов социальной структуры.

Сегодняшнюю ситуацию в российском обществе вполне можно назвать «маргинальной», поскольку в ее основе – пограничное, промежуточное, переходное положение, в котором оказалось общество и все его элементы в результате разрушения одной и попыток формирования другой социальной системы. Следует обратить внимание на то, что традиционный анализ по группам «городское население» и «сельское население» по отношению к современному российскому обществу является достаточно условным. Связано это с тем, что в России есть такие типы поселения, как малые города и поселки городского типа. Противоречивость оценки этой категории населения заключается в том, что по административному делению оно считается городским, но по образу жизни, по состоянию массового сознания – это сельское население. Оно живет в условиях неразвитой инфраструктуры и массовых коммуникаций, за счет подсобного хозяйства, является инертным в экономическом поведении, т.к. чаще всего даже не имеет возможности выбирать сферу деятельности.

Население, проживающее в малых городах России, – это особая группа в структуре российского общества, удельный вес которой позволяет выделять ее отдельно, так как ее влияние на поведение российского населения существенно.

Если проанализировать параметры выборочных совокупностей всероссийских опросов населения, то удельный вес городского на-

селения, определяемого по административно-территориальному признаку, составляет от 75 до 78% населения Российской Федерации. Если же выделить тех, кто родился в городе и живет в городе на момент опроса, то такого городского населения в России не более 25% от общего числа населения, то есть к таковому мы относим тех, кто является городским жителем во втором поколении.

Таким образом, Россия – это государство, в котором экономическое и политическое поведение, а также состояние массового сознания определяются большей частью сельского населения, имеющего более низкий уровень образования, отличающегося более консервативными взглядами, тяготеющего к традиционным социальным институтам.

В целом можно сказать, что та часть населения, которую мы считаем городской, по своему составу включает в себя довольно большую маргинальную прослойку. Можно говорить, что эмпирические данные подтверждают выдвинутую гипотезу о том, что большую часть населения России можно классифицировать как сельское население, которое является консервативным по своим экономическим и политическим взглядам и не готово к быстрому овладению либерально-демократическими ценностями. Скорость институциональных преобразований намного превышает скорость изменений традиционной институциональной среды.

Подводя итог вышесказанному, можно сказать, что переживаемый второй раз период трансформации социальной структуры, происходящий уже в связи с новыми основаниями, также сложен и подвержен воздействию как системных, так и личностных факторов. Это ведет к сосуществованию двух структур – старой структуры, которая медленно меняет свои параметры, и новой, которая формируется параллельно.

✓ Литература

1. Заславская Т.Н. Структура современного российского общества экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. информ. бюл. 1995. № 6.
2. Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С. Экономическая стратификация населения России в 90-е годы. М., 2001.
3. Шишкин М. Средний класс прирастает сверху // Коммерсантъ. 2008. № 31(3848). 27 февр.
4. Без перемен // Власть. 2008. № 7(760). 25 февр.

Л.Д. Руденко, М.В. Афонин

Эволюция подходов к решению проблемы терроризма в рамках «Большой восьмерки»

Проблема борьбы с терроризмом, как известно, возникла не сегодня; история знает множество примеров актов терроризма. Каждое государство решало эту проблему самостоятельно, считая ее своим внутренним делом. Однако в эпоху глобализации терроризм стал выходить за национальные рамки, что потребовало от правительств адекватной реакции: стали возникать межгосударственные механизмы борьбы с терроризмом. Данная проблема поднималась и на саммитах «Группы семи» практически с самого ее создания в 1975 г.

Несмотря на то, что в 1970-х – начала 1980 гг. на саммитах «семерки» обсуждались в основном вопросы экономической политики, уже тогда предпринимались попытки выработать общую позицию по борьбе с международным терроризмом. В 1978 г. в Бонне по инициативе канцлера ФРГ Гельмута Шмидта прошло первое обсуждение этой проблемы, которое завершилось «Совместным заявлением по поводу захвата заложников на воздушных судах». Согласованное принятием странами «Группы семи» данного заявления положило начало актуализации проблемы международного терроризма, входившей с начала 1980-х гг. в повестку практически всех саммитов.

Первоначально ее обсуждение являлось реакцией стран клуба на конкретные террористические акты, которые решительно ими осуждались. Так, Заявление «Группы семи» в Оттаве 1981 г. относительно терроризма было ответом на захват в Афганистане самолета Пакистанских авиалиний, Декларация относительно терроризма, принятая в 1989 г. на саммите в Париже – на нападение на самолеты в Шотландии в 1988 г. и в Колумбии в 1989 г.

На этом этапе договоренности стран клуба в основном касались следующих действий:

- оказание друг другу поддержки и помощи в случае захвата дипломатических миссий;
- близкое сотрудничество и координация между полицией, органами безопасности и другими органами государственной власти в обмене информацией;
- пересмотр продаж оружия странам, поддерживающим террористов;
- изучение каждой страной-членом пробелов в национальном законодательстве, которые могут быть использованы террористами;
- борьба с терроризмом через национальное законодательство и международное право;
- усовершенствования авиа- и морской безопасности;
- передача под суд террористов в соответствии с нормами международного права и в соответствии с правовыми нормами.

Особенно много решений принималось по усилению международных стандартов безопасности гражданской авиации.

С середины 1990-х гг. обсуждение проблемы международного терроризма становится более системным и последовательным. Только в 1996 г. министрами внутренних дел стран клуба было принято двадцать пять рекомендаций по борьбе с терроризмом. Страны «семерки», а затем и «восьмерки» были солидарны в решении продолжать борьбу с терроризмом всеми юридическими средствами и неоднократно через различные декларации и заявления призывали все государства не оказывать какой-либо поддержки террористам.

Все чаще в документах клуба встречается воззвание ко всему мировому сообществу объединить усилия в борьбе с терроризмом, а начиная с саммита 1997 г. в Денвере – и к ООН.

Декларации и заявления 1990-х гг. в основном содержали следующие меры:

- обмен информацией по технологиям обнаружения и предотвращения применения средств массового уничтожения в ходе террористических нападений;
- разработка способов предотвращения террористических нападений на электронную и компьютерную инфраструктуру;

- укрепление безопасности на море;
- обмен информацией в отношении максимально эффективной практики обеспечения безопасности международных мероприятий особой важности;
- укрепление механизма сотрудничества и консультаций;
- борьба с финансированием терроризма.

С 2000-х гг. «восьмерка» открыто стала признавать роль гражданского общества в противодействии терроризму. Так, в заявлении «Группы восьми» о борьбе с терроризмом, сделанном в Глениглсе в 2005 г., одной из первоочередных задач клуба называется работа с гражданским обществом с целью достижения полного неприятия терроризма широкими слоями населения. Нововведением в работе «Группы восьми» на антитеррористическом направлении стала разработка инициатив по укреплению партнерства государств и бизнеса в их противостоянии террору.

Участие России в «Большой восьмерке» в качестве полноправного члена в течение 1998 – 2007 гг. совпало с качественными изменениями стратегии в отношении борьбы с терроризмом в рамках клуба. Размытые по содержанию заявления, осуждающие жестокость террористических актов, сменились более четкими продуманными планами действий. Реактивная стратегия борьбы с терроризмом сменилась упреждающей.

Наибольший размах взаимодействие с Россией по вопросам терроризма в рамках клуба получило после событий сентября 2001 года. Россия внесла ряд инновационных предложений в разработку упреждающей стратегии борьбы с терроризмом: создание Группы контртеррористических действий, необходимость защиты энергетических структур от террористической угрозы, расширение субъектов, осуществляющих борьбу с терроризмом; необходимость сотрудничества с бизнес-сообществами в борьбе с терроризмом и др.

За период полноправного членства РФ в «Большой восьмерке» с 1998 по 2007 года на саммитах были приняты следующие наиболее значимые по своему содержанию документы: «Документ о развитии сотрудничества в рамках «Большой восьмерки» по борьбе с терроризмом», «План действий по укреплению политической воли и потенциала для борьбы с терроризмом» (Эвиан, 2003), «Заявление «Группы восьми» о борьбе с терроризмом» (Глениглс, 2005).

Насыщенным в отношении решения вопросов терроризма стал саммит 2006 г. в С.-Петербурге, где была принята «Декларация "Группы восьми" о борьбе с терроризмом» и прилагаемое к ней «Заявление об укреплении программы ООН по борьбе с терроризмом». В совместном заявлении Президента Российской Федерации В.В. Путина и Президента Соединенных Штатов Америки Дж. Буша Россия и Соединенные Штаты Америки полны решимости бороться с угрозой актов ядерного терроризма, являющейся одним из наиболее опасных вызовов международной безопасности.

Однако на этом направлении сотрудничества есть и нерешенные проблемы, такие как двойные стандарты в борьбе с терроризмом, вопросы экстрадиции лиц, подозреваемых в причастности к ряду террористических актов на территории РФ.

М.А. Рутковский, Е.Я. Слепцов

**Общие черты и тенденции
в исследовании проблемы РСДРП в первой
русской революции в отечественной
историографии 60-90-х годов XX века**

Близкой к концепции второго тома "Истории КПСС" в трактовке классово-политической ситуации в России в 1905 – 1907 гг. и условий деятельности партии в революции была позиция авторов третьего тома "Международного рабочего движения" – другого обобщающего труда историков, где деятельности большевиков было уделено значительное внимание. Ленинские положения о трех лагерях, проявивших себя в период первой революции, о гегемонии пролетариата как основе политической линии большевиков, в рамках которой применялась левоблокнистская тактика, рассматривались и здесь в контексте выработки партией средств практической работы по руководству рабочим движением. Значительное место в томе отводилось реорганизации партии в условиях рево-

люции, показу борьбы с оппортунизмом, преодолению стихийности в массовых выступлениях пролетариата¹.

В сжатом виде в книге показывались все основные формы рабочего движения, его влияние на развитие революции и рост социал-демократических организаций. Особо большое внимание уделено расколу в РСДРП и борьбе с оппортунизмом меньшевиков. Большевизм и меньшевизм представляли как два в равной мере сложившиеся политические течения, однако социальная база последнего, как и его идеологическая сущность, авторами специально не рассматривались. Отмечался преимущественно догматизм меньшевиков, их приверженность к устаревшим схемам прошлых буржуазных революций². Но почему меньшевики пользовались влиянием среди рабочих, почему «закрепился» раскол пролетариата «на две самостоятельные партии», как утверждали авторы, – об этом достаточно убедительно не говорилось, а потому вся концепция РСДРП в революции выглядела незавершенной.

Вскоре после названной увидела свет другая фундаментальная работа из серии «История рабочего класса СССР» – «Рабочий класс в первой российской революции 1905-1907 гг.», в которой впервые в историографии была предпринята попытка дать полную картину действия пролетариата в революции. Опора на обширную источниковую базу, наряду с комплексным подходом к предмету исследования, позволили авторам выйти на новый уровень обобщений по ряду важнейших вопросов проблемы. Были прослежены все основные формы и направления воздействия пролетариата на развитие революционных событий. Гегемония пролетариата в революции, взятая за основу концепции, приобрела развернутое фактическое содержание, а с другой стороны, предстала сложным механизмом взаимодействия факторов, среди которых единство действий партии и авангарда пролетариата составило опору массового движения и одновременно основу блока всех революционно-демократических сил.

Автор введения книги В.И. Бовыкин исходил из того, что в советской историографии долго существовала «недооценка созре-

¹ См.: Международное рабочее движение: Вопросы теории и истории. Т. 3. С. 31-81.

² См.: Там же. Т. 3. С. 42.

вавших в стране объективных предпосылок социалистической революции», что, в свою очередь, было связано с разным и в целом ошибочным представлением об уровне и характере капиталистического развития России накануне первой революции³. Такое представление привело часть историков к непониманию «прямой связи» между буржуазно-демократической и социалистической революциями в 1905 – 1907 гг. Положение было исправлено, как считает автор, с выходом краткого курса «Истории ВКП(б)», где указывалось на органическую связь «между демократической и социалистической революциями», где отмечалось, что «главное назначение гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции состояло в том, чтобы обеспечить ее перерастание в социалистическую»⁴.

Опираясь на концепцию «Истории ВКП(б)» и решая положительно вопрос о зрелости к 1905 г. условий в России для перерастания революции в социалистическую, авторы книги соответственно трактовали и тактическую линию большевиков в буржуазно-демократической революции. Курс на перерастание революции выделялся ими в решениях III съезда РСДРП, хотя, как известно, этот вопрос съездом не обсуждался; обеспечение такого перерастания выдвигалось главной функцией гегемонии пролетариата, а революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства выступала «основным рычагом, позволяющим осуществить перерастание»⁵. Проблемы буржуазно-демократической революции, которые прежде всего предстояло решать в 1905 – 1907 гг., оказывались затененными, лишенными самостоятельного значения. Вся политическая линия партии выступила в ином свете.

Если Ленин тактическую линию, выработанную III съездом, в том числе положения о гегемонии пролетариата и временном революционном правительстве, рассматривал, прежде всего, как слагаемые победы народной революции⁶, на почве которой будут формироваться условия борьбы пролетариата за социализм⁷, то

³ См.: Рабочий класс в первой русской революции 1905 – 1907 гг. М., 1981. С. 15.

⁴ См.: Там же. С. 15.

⁵ Рабочий класс в первой русской революции 1905 – 1907 гг. С. 119.

⁶ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 5, 89.

⁷ См.: Там же. С. 102.

взгляд на эту линию главным образом с позиции социалистической революции, к которому вернулись вслед за Кратким курсом авторы книги «Рабочий класс в первой российской революции», неизбежно должен был наложить свой отпечаток и на трактовку других вопросов истории пролетариата и его партии в революции 1905 – 1907 гг. Он столь же неизбежно вел к разрыву с той исторической реальностью, в рамках которой происходила революция.

В целом работа, выполненная коллективом историков Института истории СССР, явилась серьезным научным вкладом в историографию революции 1905 – 1907 гг. Обобщение достижений историков рабочего класса дореволюционной России позволило создать новую, более полную и более тщательно прорисованную картину рабочего движения в 1905 – 1907 гг. В ином объеме и ином качественном виде представала социальная основа рабочей партии, масштаб ее связей с авангардом пролетариата и влияния на его поведение. В отправных принципах схема взаимоотношения большевиков и пролетариата в революции, как и показ состояния РСДРП, выглядели продуктом самостоятельной авторской позиции по отношению к тенденции, начало которой было положено вторым томом «Истории КПСС».

В сущности, историки рабочего движения не приняли в трактовке проблем партии в революции результатов поиска историков партии, не откликнулись на их размышления. Их взгляды на диалектику взаимодействия партии и класса в революции, на теоретические основы и содержание тактической линии большевиков, на их роль в рабочем движении, на состояние РСДРП и размеры внутрипартийных разногласий, на меньшевизм в революции и на ряд других партийно-политических показателей рабочего движения опирались в значительной мере на положения краткого курса «Истории ВКП(б)» и порожденную этой книгой историографическую инерцию. В решении проблемы – пролетариат и его партия в 1905 – 1907 гг. – заметно давала себя знать тенденциозная односторонность. Особо отчетливо она отразилась в стремлении большевизировать все проявления рабочего движения, абсолютизировать его организованность, затушевывать в нем конституционно-реформистские иллюзии.

Таким образом, в исследовании проблемы партии в первой революции с середины 60-х гг. определенно наметились две тенденции:

следование схеме краткого курса «Истории ВКП(б)» и попытки отказа от нее. В той или иной степени следы их заметны во многих изданиях как популярно-пропагандистского характера, так и в специальных исследованиях о партии в первой революции, увидевших свет в 60 – 90-е гг. Вместе с тем попытка подразделить их на указанной основе требует и серьезных оговорок. Границы между приверженностью историографическим нормам 30 – 50-х гг. и отказом от них далеко не всегда уловимы. В методологических и методических аспектах их провести особенно сложно, то есть теоретический фундамент и метод в воплощении авторских намерений обнаруживают больший консерватизм, нежели структура и содержание публикаций. Трудно обнаружить и прямую зависимость профессионально-качественных показателей популярных публикаций от времени их выхода из печати. Более отчетливо она выражена в работах исследовательского характера. Общая черта тех и других – отход от цитатничества, уменьшение заявлений декларативного типа.

М.А. Рутковский, С.В. Заец

Мюнхенское соглашение 1938 г. и Польша

В сентябре исполняется 70 лет со времени подписания Мюнхенского соглашения. Это событие значительно приблизило начало Второй мировой войны и, как следствие, отразилось на установлении послевоенного порядка, послевоенных отношений в мире, оказало определенное влияние на ход советско-польских отношений. При этом главной пострадавшей стороной стала Чехословакия.

29 – 30 сентября 1938 г. британский премьер-министр Н. Чемберлен, глава правительства Италии Б. Муссолини, премьер-министр Франции Э. Даладье подписали с Гитлером соглашение в г. Мюнхене. Оно предусматривало передачу Германии Судетской области Чехословакии¹. Европейские государства решились на это с целью «умиротворения агрессора». Считали, что Судетская область

¹ Год кризиса. 1938 – 1939. Док-ты и мат-лы: В 2 т. / сост. МИД СССР. М., 1990. С. 4-5; Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937 – 1939. Т. 1. М., 1981. С. 237.

не представляет ценности, чтобы из-за нее портить отношения с Германией, а также надеялись впоследствии повернуть немецкие военные силы против Советского Союза². Ранее английский и французский посланники в Чехословакии осуществляли серьезное давление на правительство, заставляя его принять фашистские требования и даже угрожая при этом, что если Прага примет военную помощь со стороны СССР, то Англия и Франция могут поддержать фашистскую агрессию.

Правительство довоенной Польши усмотрело возможность присоединения Тешинской области, расположенной на границе двух государств. Еще 21 сентября 1938 г. правительство Польши потребовало проведения плебисцита в районе Тешина, где проживала большая польская колония, и стянуло свои войска к южной границе. На следующий день чехословацкое правительство отклонило годеценбергский ультиматум Гитлера с требованием передачи Судетской области. При этом сообщило в Москву о непосредственной опасности нападения на нее со стороны Польши, обратилось к СССР за поддержкой. Советское правительство сразу же направило Польше заявление. Там говорилось: в случае если польские войска вторгнутся в пределы Чехословакии, то Советский Союз будет считать это актом агрессии³. И денонсирует договор о ненападении с Польшей, подписанный в 1932 и в 1934 гг.⁴

В ответ 30 сентября польское правительство официально запросило Берлин, может ли оно рассчитывать на доброжелательную позицию Германии, если в результате предстоящего вторжения польских войск в Чехословакию возникнет вооруженный конфликт между Польшей и СССР. На следующий же день польский посол в Берлине Ю. Липский отправил в Варшаву ответ, полученный от министра иностранных дел Германии Й. Риббентропа: «В случае

² Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я.З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР // Архив внешней политики СССР (далее – АВП СССР). Ф. 059. Оп. 1. П. 280. Д. 1945. Л. 122-123; The Eden Memoirs. Facing the Dictators. L., 1962. P. 559.

³ Внешняя политика Чехословакии, 1918 – 1939 гг. М., 1959. С. 476-477; Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958. С. 26; Калинин М.И. О международном положении. М., 1938. С. 14.

⁴ Archiwum Ministerstwa Spraw Zagranicznych RP. Komisja Delimitacyjna. Memoriały i projekty zmian granicznych. Z. 5. T. 101. S. 1-12.

польско-советского конфликта правительство Германии займет по отношению к Польше позицию более чем доброжелательную»⁵. Аналогичный ответ был получен им и от Геринга.

Пражскому правительству, после соглашений в Мюнхене, ничего не оставалось, кроме как его принять. В результате Польша оккупировала экономически развитую территорию с населением около 228 тыс. человек, из которых 133 тыс. были чехами.

Выступление Польши в Советском Союзе расценили как гитлеровскую провокацию. Получается, что Варшава в октябре 1938 года фактически выступила в военном союзе с Германией против Чехословакии, хотя серьезных столкновений с чехословацкой армией при этом не произошло. Это было совершено несмотря на факт, что в мюнхенском соглашении Гитлер подписался под решением дать три месяца для урегулирования вопроса о польском и венгерском меньшинствах и сделать его предметом обсуждения четырех держав, если не будет достигнуто чешско-польское соглашение⁶.

Польское правительство отказалось пропустить через свою территорию части Красной Армии для оказания помощи Чехословакии против германских войск. Но не прошло и года, как Польшу постигла та же судьба, что и чехословацкое государство. 28 сентября 1939 г. немецкая армия взяла Варшаву.

После окончания Второй мировой войны снова возник вопрос о принадлежности г. Тешина. Польское правительство предложило Чехословакии провести размежевание согласно численности населения. Но чехословацкое правительство настояло на ликвидации всех положений Мюнхенского соглашения, и практически вся Тешинская область снова вошла в состав чехословацкого государства. Чехословакия также получила назад Судетскую область и южные территории Словакии и Закарпатской Украины, которые с поддержки Гитлера захватила Венгрия.

Современные историки Польши или не характеризуют факт участия ее в разделе Чехословакии в 1938 г., или обозначают это как достаточно правомерный акт. Ведь в период Средневековья

⁵ Письмо посла Польши в Германии Ю. Липского министру иностранных дел Польши Ю.Беку // Год кризиса... С 15-16; Papers and Memoirs of Jozef Lipski. NY, 1968. P. 427.

⁶ АВП. Ф. 059. Оп 1. П 1. Д. 1954. Л. 106-107.

Тешин находился в составе Польши. И в 1919 г. Чехословакия присоединила к себе эту территорию самостоятельно, плебисциты были проведены лишь на некоторых землях. Но такое мнение на широком уровне не высказывается, чтобы избежать словесных конфликтов с Чехией.

Мюнхенское соглашение 1938 г. подтолкнуло Гитлера к ведению дальнейшей завоевательной политики, создало у него иллюзию, что так же легко и быстро он сможет покорить другие европейские страны и никто не решится ему помешать в этом. Действия Польши, спровоцированные этим договором, резко ухудшили ее отношения с Советским Союзом и создали мнение о польском правительстве как об «агрессорах», «фашистах», что впоследствии было использовано в пропагандистских лозунгах с целью поддержки там просоветского правительства. Послевоенные отношения Польши и Чехословакии, уже двух социалистических стран, некоторое время были натянутыми, неоднократно фиксировались пограничные конфликты, вызванные последствиями Мюнхена.

А.Г. Смирнова

Неопределенность как фактор восприятия угрозы распространения ядерного оружия*

Восприятие угрозы, исходящей от государств, стремящихся к приобретению ядерного оружия, прежде всего, Северной Кореи и Ирана, осуществляется в условиях высокой *неопределенности*. Как следствие, фрагментарные и неполные данные, пробелы в важной информации, предоставление государствами недостоверных данных о своих ядерных программах бросают «...вызов аналитикам, отслеживающим ситуацию в сфере распространения оружия мас-

* Статья подготовлена в рамках выполнения работ по Тематическому плану НИР ЯрГУ по заказу Рособразования 1.12.08.

сового уничтожения»¹. Данная особенность приводит к переосмыслению сущности угроз в современных международных отношениях.

Согласно классическому определению, в качестве основных компонентов угрозы *возможности и намерения* субъекта причинить вред². Ситуация, сложившаяся на международной арене вокруг ядерных программ Северной Кореи и Ирана, позволяет заключить, что угроза распространения ядерного оружия характеризуется неопределенностью обоих названных компонентов.

Неопределенность возможностей вызвана следующими обстоятельствами. Прежде всего, как подчеркивает Н.Н. Соков, в качестве одного из вызовов режиму нераспространения выступает «технический прогресс, способствующий преодолению разрыва между государствами, способными и неспособными к созданию собственного ядерного оружия»³. Например, проведенное Северной Кореей в 1998 г. испытание межконтинентальной баллистической ракеты, которое впоследствии было представлено как успешный запуск первого северокорейского спутника, стало «неприятным техническим сюрпризом»⁴ для политического руководства США. Неожиданностью стал тот факт, что нация, пребывающая в труднейшей экономической ситуации, пыталась вывести на орбиту спутник. Данная задача была осуществлена при помощи ракеты, у которой *третья ступень* работает на твердом топливе. При этом в ходе полета прошло успешное *отделение отработавших ступеней*. Приведенный пример демонстрирует, что изоляция страны, введенные против нее санкции, сложная экономическая ситуация не являются препятствием для создания ядерного оружия.

Еще один фактор, способствующий усилению неопределенности, связан с *технологиями*, которые применяются для *производ-*

¹ Ellis J.D., Kiefer G.D. Combating Proliferation: Strategic Intelligence and Security Policy. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2004. P. 57

² The Concept of Threat Analysis. (Part III: Changing Threat Perception). Institute for Strategic Studies. November 1. Publisher: University of Pretoria, Institute for Strategic Studies, 2001.

³ Ядерное нераспространение / И.А. Ахтамазян и др. ; под общ. ред. В.А. Орлова. 2-е изд. Том 1. М.: ПИР-Центр, 2002. С. 24.

⁴ Ellis J.D., Kiefer G.D. Combating Proliferation: Strategic Intelligence and Security Policy. ... P. 96.

ства ядерных материалов. Как подчеркивает А. Дьяков, обогащение урана при помощи газовых центрифуг позволяет достаточно быстро переключиться с производства низкообогащенного урана на высокообогащенный. Кроме того, «скрытое центрифужное обогащительное производство трудно обнаружить».⁵ Перечисленные технологические особенности позволяют государствам поддерживать неопределенность как относительно своих возможностей, так и намерений создать ядерное оружие.

Таким образом, несмотря на то что, по мнению некоторых ученых⁶, трудности, которые связаны с приобретением ресурсов для создания ядерного оружия, служат барьером, препятствующим распространению ОМУ, современный мир характеризуется возрастающей доступностью ядерных материалов, оборудования и технологий. Теоретически любое государство сможет создать собственное ядерное оружие. При этом, как подчеркнул С. Иванов, для ряда стран – это «вопрос политической воли»⁷.

Неопределенность намерений обусловлена тем, что «страны, которые в будущем могут стать ядерными державами, являются государствами, подписавшими Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), а их деятельность в области ядерной энергетики находится под контролем МАГАТЭ»⁸. Данное обстоятельство, с одной стороны, служит сильным сдерживающим механизмом. Скрытно реализуемая программа может быть обнаружена или МАГАТЭ, или национальными спецслужбами других государств. Открытые программы развития ядерной энергетики, как, например, у Ирана, вызывают подозрения по поводу намерений создать ядерное оружие. Выход государства из ДНЯО, как в случае с Северной Кореей, лишь подтверждает подозрения международного сообщества о военном характере ведущихся разработок. Более того, подобные шаги могут спровоцировать сильную международную ре-

⁵ Дьяков А. Ядерный топливный цикл // У ядерного порога: уроки ядерных кризисов Северной Кореи и Ирана для режима нераспространения / под. ред. А. Арбатова. М.: РОССПЭН, 2007. С. 148.

⁶ Dong-Joon Jo and Gartzke E. Determinants of Nuclear Weapons Proliferation // Journal of Conflict Resolution, 2007. № 51. P. 169.

⁷ Иванов С. События: время московское, ТВЦ, 30.06.2006. 18:56.

⁸ Einhorn, R.J. Identifying Nuclear Aspirants and Their Pathways to the Bomb // The Nonproliferation Review, 2006. 13:3. P. 493.

акцию. Например, в США обсуждалась возможность проведения военной операции против Северной Кореи⁹.

С другой стороны, само по себе формальное соблюдение режима нераспространения не исключает незаконную деятельность по созданию ядерного оружия. Северная Корея подписала ДНЯО в 1985 г., тогда как политическое решение о начале работ по созданию ядерного оружия, по мнению экспертов, было принято на рубеже 1970-х годов¹⁰. Кроме того, подписание ключевых для поддержания режима нераспространения договоров может использоваться в качестве аргумента в пользу мирных намерений государства. Так, Иран присоединился к ДНЯО в 1970 г., подписал Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, а также – ряд важных соглашений с МАГАТЭ. Однако его приверженность режиму нераспространения не сняла подозрений о том, что ядерная программа данного государства носит военный характер.

Таким образом, установленные нормы и правила далеко не всегда расцениваются государствами в качестве серьезного препятствия на пути создания ядерного оружия. Как отмечает Р. Эйнхорн, «неспособность международного сообщества наказать нарушителей режима нераспространения, таких как Иран и Северная Корея <...>, привели к снижению воспринятых затрат, связанных с обретением статуса ядерной державы»¹¹. Вместе с тем сложившийся режим не может гарантировать государствам, развивающим мирные ядерные программы, защиту от безосновательных подозрений, возможных санкций и даже применения военной силы. Тем самым недоверие и агрессивные действия некоторых представителей мирового сообщества могут изменить характер намерений государств в направлении создания ядерного оружия.

Неопределенность, характеризующая действия современных государств по созданию ядерного оружия, приводит к трансформа-

⁹ См.: Smith D.D. *Deterring America: Rogue States and the Proliferation for Weapons of Mass Destruction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 65-74.

¹⁰ Прив. по Булычев Г., Воронцов А. Северная Корея: опыт ядерного распространения // У ядерного порога: уроки ядерных кризисов Северной Кореи и Ирана для режима нераспространения / Под. ред. А. Арбатова. М.: РОССПЭН, 2007. С. 17.

¹¹ Einhorn, R.J. *Identifying Nuclear Aspirants and Their Pathways to the Bomb...* P. 492.

ции их *политического поведения*. В стремлении обладать подобным, они, как правило, реализуют скрываемые от мирового сообщества программы, придерживаются противоречивой политики¹². Как следствие, неопределенность возможностей и намерений, а также противоречивая политика государств-распространителей приводит к переосмыслению *характера угроз* в современных международных отношениях и способов противодействия им. В частности, распространение ядерного оружия необходимо рассматривать не с точки зрения существующих угроз, а возникающих *рисков*. В отличие от угроз, которые могут быть «измерены» на основе потенциальных возможностей противника¹³, риски в *меньшей степени поддаются исчислению*. Более того, характеристики угрозы предполагают существование средств для борьбы с ними и достижения безопасности, в то время как рисками можно лишь *управлять или пытаться их предотвратить*. При этом М. Расмуссен отмечает, что изменившаяся природа опасностей в современном мире делает невозможным достижение полной безопасности, поскольку в ответ на попытки предотвратить существующие риски в результате «эффекта бумеранга»¹⁴ возникнут новые источники неопределенности и новые риски.

Таким образом, увеличение количества стран, обладающих или стремящихся к приобретению ядерного оружия, представляет собой не только вызов для режима нераспространения ОМУ, политики государств в области безопасности, но также создает дополнительные стимулы для научного поиска в области изучения природы современных угроз и механизмов их познания.

¹² Einhorn, R.J. Identifying Nuclear Aspirants and Their Pathways to the Bomb ... P. 496.

¹³ Rasmussen M.V. The Risk Society at War: Terror, Technology and Strategy in the Twenty-First Century. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 1.

¹⁴ Ibid, p. 40.

А.В. Соколов, А.Л. Лабунский

Нормативно правовая база, регламентирующая участие граждан в процессе принятия решений на региональном и муниципальном уровнях

Основной массив нормативно правовых актов, регламентирующих участие граждан в процессе принятия решений, составляют муниципальные нормативно-правовые акты. Они составляют примерно 60 – 70% от общего количества выделенных нормативных актов. Однако если в Рязанской области муниципальных актов больше, чем региональных почти в семь раз, в Ярославской – в три раза, в Москве и Калужской области – их больше почти в два раза, то в Костромской и Курской областях их лишь не многим больше, чем региональных нормативных актов.

Столь значительное преобладание муниципальных нормативных актов объясняется тем, что в муниципальных образованиях существуют практически идентичные нормативные акты по сходным сферам регулирования. Наиболее часто встречающимися подобными муниципальными актами являются Уставы муниципальных образований и документы, регламентирующие организацию и проведение публичных слушаний (более 50%). Однако Уставы не представляют собой существенного интереса для анализа участия граждан в процессе принятия решений, так как они регламентируют лишь общие вопросы жизнедеятельности в субъектах Федерации и муниципальных образованиях.

В большинстве регионов нормативные акты, регулирующие проведение публичных слушаний внутри регионов, являются практически идентичными и декларативными, так как они не содержат конкретной процедуры их организации, проведения, и, что еще более важно, учета мнения граждан, высказанного в ходе данных слушаний.

Однако в целом ряде субъектов Федерации существуют достаточно интересные документы. Они составляют примерно 13% общего массива нормативных актов. В частности, представляется

очень интересным документ «Об утверждении Положения «О публичных слушаниях и порядке учета предложений в муниципальном образовании городское поселение "Город Малоярославец"». В нем указаны непосредственные процедуры работы с полученными в ходе слушаний рекомендациями.

Еще одной крупной группой нормативных актов являются документы, регламентирующие создание и функционирование совещательных и консультативных органов как регионального, так и местного уровня (12,6%). Однако в большинстве случаев в них не прописывается процедура функционирования данных органов. И что еще более важно – не прописывается процедура учета или даже последующего рассмотрения решений и рекомендаций данных совещательных органов. Естественно, это не способствуют реальному участию граждан в процессе принятия решений. Несмотря на это, существуют достаточно интересные документы и в этой сфере. В частности, можно отметить документ «О совете по делам инвалидов при администрации города Курска».

В целом следует выделить еще две очень важные группы нормативных актов – это акты, регламентирующие непосредственные процедуры взаимодействия некоммерческих организаций и органов управления, а также формы и процедуры поддержки некоммерческих органов. Среди примеров следует выделить:

- закон Ярославской области «О взаимодействии органов государственной власти и общественных объединений». Он закрепляет целый ряд механизмов взаимодействия. И, в частности, ежегодное проведение Гражданского форума.

- закон Костромской области «О законодательном процессе в Костромской области». Среди основных преимуществ данного документа то, что он закрепил право законодательной инициативы не только за гражданами, но и за зарегистрированными общественными организациями.

- постановление мэра города Ярославля «О порядке предоставления поддержки общегородских общественно значимых мероприятий и тематических конкурсов, проводимых общественными объединениями»;

- постановление об областной целевой программе «Государственная поддержка молодежных и детских общественных объединений Костромской области на 2006 – 2008 годы». В нем прописа-

ны конкретные механизмы предоставления данной поддержки, вплоть до определения финансовых ресурсов, направляемых на поддержку молодежных организаций.

Еще одной важной сферой регулирования оказалось территориальное общественное самоуправление. Здесь можно отметить следующие интересные документы:

- «О мерах по стимулированию деятельности по организации территориального общественного самоуправления в Рыбинском муниципальном округе»;

- «Об утверждении положения "О территориальном общественном самоуправлении в муниципальном образовании – Рязанский муниципальный район Рязанской области"». Данный нормативный акт закрепляет за ТОС достаточно широкую компетенцию, в том числе и по контролю над органами управления и соответствующих организаций в части предоставления ЖКУ.

Особая группа документов – нормативные документы, регулирующие привлечение граждан и общественных объединений к решению важных региональных и местных задач и проблем. В основном данные документы регулируют процедуру привлечения граждан и общественных объединений к охране порядка, градостроительства, решения актуальных социальных проблем (таких как, например, алкоголизм).

Одной из главных выявленных в ходе проведенного исследования проблем является декларативность многих нормативных актов. Лишь незначительная часть документов предполагает конкретный механизм их реализации, учета мнения общественных объединений, их поддержки. Многие нормативные акты в регионах пишутся на основании какого-то одного типового документа, вероятнее всего рекомендованного региональным органом управления. Поэтому достаточно сложно найти уникальные документы.

Нормативно-правовое и нормативное обеспечение участия населения и общественности в деятельности органов власти и в процессе принятия решений формируется в основном за счет актов, принимаемых органами (должностными лицами) исполнительной власти. Большинство совещательных и коллегиальных органов с участием общественности также формируются при исполнительных органах. Это говорит о низкой активности представительных

органов, их второстепенной роли в регулировании общественно-политических процессов.

Анализ хронологии принятия (издания) актов демонстрирует практически полную корреляционную связь между инновациями федерального центра и активностью региональных (муниципальных) властей. Например, положения о публичных слушаниях приняты в период 2003 – 2005 гг. (после введения в действие 131 ФЗ). Самостоятельные инициативы практически отсутствуют.

Важным является и то, что на сегодняшний день нормативно-правовая база, необходимая для реализации реформы местного самоуправления, полностью не создана. Это предопределяет существование ситуации, в которой нормативно-правовые акты, регулирующие привлечение населения к деятельности органов власти, соответствующие формам федерального закона либо не приняты, либо отсутствуют в открытом доступе.

Наиболее «популярными» сферами взаимодействия населения и общественности с органами власти являются: молодежная политика, военно-патриотическое воспитание и социальная защита. Другие сферы взаимодействия практически не имеют нормативной и нормативно-правовой регламентации.

В целом следует сделать вывод о низком уровне нормативно-правового обеспечения участия населения и общественности в деятельности органов власти и в процессе принятия решений (на муниципальном и региональном уровне) и правовых условиях для деятельности. Небольшое количество нормативно-правовых и нормативных актов, узость сфер их действия говорят о том, что либо привлечение населения и общественности к деятельности органов власти осуществляется в крайне небольшом объеме, либо взаимодействие это не закрепляется на нормативном уровне.

Следует отметить, что существует очень мало нормативно-правовых актов, закрепляющих стимулирование развития и деятельности гражданских организаций. Часто стимулирование деятельности выражается словом «содействие», что не говорит о реальных формах поддержки деятельности некоммерческих организаций.

Следует отметить, что правовое поле по вопросам взаимодействия между гражданским обществом и органами власти на местном и региональном уровне находится в процессе своего формиро-

вания. При этом нужно отметить как положительную динамику в появлении нормативного регулирования в данной сфере, так и постепенное усложнение и повышение качества документов.

Сегодняшнее состояние правового обеспечения процесса взаимодействия общества и органов власти в большинстве регионов носит фрагментарный характер, нормативные акты часто диссонируют друг с другом (например, параллельно сосуществуют достаточно современные документы и явно рудиментарные).

Высока доля формальных документов, не предусматривающих реальной реализации установленных норм. Документы принимаются «для галочки», заложенные в них нормы не стимулируют к их практическому использованию, что порождает большое количество «мертвых» документов и/или формирует имитационные формы и механизмы (например, публичные слушания, правотворческая инициатива и т.д.).

Большинство документов страдает общими недостатками: декларативность, противоречивость, невысока юридическая техника.

К основным проблемам в организации взаимодействия на региональном и местном уровне по результатам исследования можно отнести:

- слабость нормативной базы в связи с недостаточностью/отсутствием в документах процедурных норм прямого действия и механизмов реализации этих норм в практику;

- использование неадекватных форм для решения поставленных задач, так как в большинстве случаев единственным способом решения любой проблемы видится создание очередного органа (общественного или нет), которому и переадресуется существующая проблема;

- недостаточна активность представительных органов во взаимодействии с гражданами и гражданскими организациями, хотя она несколько выше на муниципальном уровне;

- высокий уровень заимствования в нормотворчестве, что может породить проблемы, так как в заимствованных актах может не учитываться местная специфика.

Роль гражданских организаций не в полной мере осознается при решении органами власти большого числа вопросов, и привлечение к их решению общественности часто носит ритуальный характер.

Н.А. Соловьева, И.Ф. Албегова

**Формирование,
развитие и совершенствование коммуникативной
компетенции
у студентов как одна из целей
учебно-воспитательного процесса**

Переход на двухуровневую систему обучения в соответствии с Болонской декларацией сделал актуальными вопросы формирования компетенций у студентов всех специальностей. Несмотря на то что Болонские соглашения перестают действовать в 2010 году, проблема формирования, например, коммуникативной компетенции у студентов, будущих социальных работников, не потеряет своей актуальности.

В профессиональной деятельности социального работника принципиально важными являются субъект-субъектные отношения, в которых коммуникативные процессы занимают центральное место. По мнению авторов, успешность и эффективность деятельности социального работника напрямую зависят от его коммуникативных компетенций, степени их развитости и уровня овладения ими.

Понятие «компетенция» или «принадлежность по праву» означает круг вопросов, в которых конкретное лицо обладает познаниями или опытом. Под компетентностью традиционно понимают обладание знаниями, позволяющими судить о чем-либо, то есть обладание компетенцией.

Под коммуникативной способностью (или компетенцией) мы понимаем, соглашаясь с С.Ю. Головиным, «... коммуникативность в широком смысле, т.е. способность индивида эффективно взаимо-

действовать с окружающими людьми в системе социальных, профессиональных и межличностных отношений»¹.

В «Словаре иностранных слов» коммуникативность определяется как «способность, склонность к коммуникации (акту общения, связи между двумя или более индивидами, основанными на взаимопонимании, сообщении информации одним лицом другому или ряду лиц), к установлению контактов и связей», а коммуникативный – как «склонный, способный к коммуникации, установлению контактов и связей, легко устанавливающий их»².

Содержание используемых понятий помогает раскрыть цель формирования коммуникативной компетенции у студентов, будущих социальных работников, а также вскрыть ее сущность.

Под коммуникативной (речевой) компетенцией понимается «совокупность лингводидактических, лингвокоммуникативных и лингвострановедческих знаний, навыков и умений говорящего в практическом использовании языка в изменяющихся коммуникативных ситуациях и условиях речетворчества»³.

Под ней также понимается «владение лингвистической компетенцией, т.е. определенной суммой сведений языкового характера, умениями соотносить языковые средства с задачами и условиями общения, а также способность организовывать речевое общение с учетом социальных норм поведения и коммуникативной целесообразности высказывания»⁴.

Следовательно, когда речь идет о формировании, развитии и совершенствовании коммуникативной компетенции у студентов, будущих социальных работников, то предполагается, что за время обучения они должны не только овладеть совокупностью знаний

¹ Головин С.Ю. Словарь практического психолога / С.Ю. Головин. М.: Харвест, 1997. С. 226.

² Адамчик В.В. Новый словарь иностранных слов. Более 60000 слов и выражений. М.: Харвест: АСТ, 2005 г. С. 275.

³ Борозенец Г.К. Концептуальные подходы к построению модели формирования иноязычной коммуникативной компетенции будущих специалистов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. № 1. С. 98.

⁴ Воловик А.В. Коммуникативный подход к обучению иностранным языкам в методических системах Великобритании и США // Коммуникативно ориентированная методика обучения иностранным языкам в высшей школе. М.: Наука, 2001. № 2. С. 52.

теории коммуникаций, всех ее видов и типов, но и приобрести необходимые коммуникативные навыки и умения.

Поставленная проблема, по мнению авторов, имеет междисциплинарный характер и должна исследоваться и решаться с точки зрения философии, психологии, педагогики и лингводидактики.

Методологическую основу решения проблемы формирования, развития и совершенствования коммуникативной компетенции у студентов, будущих социальных работников, составляет системный подход, то есть обеспечение целостности, единства и взаимодействия учебно-методической, психолого-педагогической и воспитательной систем.

В понятие системы обучения включается единство, прежде всего, целей, содержания, методов, средств процесса обучения деятельности и взаимодействия преподавателя и студентов; автономных форм деятельности обучаемых (учения); контроля как формы-результата обратной связи обучения и социокультурного фона, среды обучения, обусловленных социальным заказом общества на подготовку специалистов конкретного профиля.

Каждой из названных систем присущи такие свойства, как структурность и функциональность, что особенно важно в отношении к изучению и освоению коммуникаций как совокупности социокультурных и социопсихологических феноменов, проявляющихся в статике и динамике, в индивидуальном и групповом, в пространстве и времени. Процесс формирования, развития и совершенствования коммуникативной компетенции обусловлен взаимодействием двух подсистем: системы учебных предметов («История социальной работы в России и за рубежом», «Теория социальной работы», «Технология социальной работы» и т.д.) и методик их преподавания, в значительной мере определяющих успешность названной компетенции.

При этом формирование, развитие и совершенствование коммуникативной компетенции у студентов, будущих социальных работников, осуществляется с учетом следующих принципов:

- взаимодополнительности и взаимосвязи компонентов учебной деятельности на основе соединения обучения теории и практике социальной работы в соответствии с индивидуальными потребностями и ценностными ориентациями студентов согласно установленным социальным приоритетам;

- использование возможностей организации совместной коммуникативной деятельности в области социальной работы на уровне партнерства и сотрудничества, активного взаимодействия преподавателей и студентов, а также студентов между собой;

- индивидуализации развития личности студента, овладевающего адекватными профессиональному общению коммуникативными знаниями, умениями, навыками и способного к вариативной трансформации коммуникативной способности и адаптации профессиональной деятельности к условиям новой социокультурной среды.

При этом обучение рассматривается авторами, прежде всего, как социальный процесс, обусловленный потребностями современного российского общества и как совместная деятельность преподавателей и студентов, когда первые передают знания, умения и навыки студентами (обучение), а вторые усваивают эти знания, умения и навыки (учение). Таким образом, обучение определяется как процесс присвоения и интериоризации общественного, социально-экономического и социально-политического опыта, позволяющего обучаемому студенту активно и адекватно действовать.

Система обучения имеет информационную природу и управляемый характер. Это означает, что поступающая из среды разнообразная информация (в том числе и социальный заказ общества) интегрируется методикой и преобразуется в цели, в содержание, в методы и средства обучения, которые, взаимодействуя друг с другом и постоянно испытывая на себе воздействие среды, реализуются в учебно-воспитательном процессе. Так, например, социальный заказ на специалистов принципиально нового типа – социальных работников, трансформировал процесс обучения и воспитания, изменил традиционные функции преподавателя и студента, перевел их роли в диаду «субъект – субъект», усилил значение коммуникационной компоненты в структуре вузовской системы.

Формирование и развитие коммуникативной компетенции у студентов, будущих социальных работников, в ходе учебно-воспитательного процесса, по мнению авторов, зависит как от подготовленности и способностей обучающихся, их мотивации, так и от научно разработанного аппарата обучения (методов, технологий, форм). К нему же непосредственно относятся и система психологического воздействия на обучающихся студентов (психоло-

гия обучения), и система правил и приемов обучения (методика обучения). Одним из решающих факторов и условий формирования и развития коммуникативной компетенции (как и эффективности учебно-воспитательного процесса в целом)⁵, по мнению авторов, является создание благоприятного психологического климата и полного психологического комфорта в процессе вузовского обучения и воспитания. Речь, прежде всего, идет о социально-психологическом состоянии личности студента, его мотивации к обучению, заинтересованности в учебном материале, снятии комплексов и фобий в процессах восприятия, переработки, усвоения и воспроизведения учебной информации. Это возможно сделать в процессе внедрения и использования инновационных активных методов обучения студентов, что и показали авторские исследования, проведенные в 2007 году в Ярославском государственном университете им. П.Г. Демидова на факультете социально-политических наук у студентов I – IV курсов специальности Социальная работа. В частности, был проведен опрос, целью которого было выяснение отношений студентов к традиционным методам проведения семинарских занятий и альтернативных ему активных методов обучения.

На вопрос об отношении к традиционной классической методике ведения семинарских занятий студенты высказали следующее мнение: единственным положительным с их точки зрения моментом является то, что один раз подготовившись к «очередному семинару и сумев на нем выступить, можно последующие два-три занятия быть пассивным наблюдателем, то есть "отсидеться"». Большая часть студентов отметила страх, неуверенность, тревожность, скованность как основные психологические состояния, а также нерегулярность и необязательность подготовки к занятиям, распределение заданных ранее преподавателем вопросов среди членов группы. Большинство студентов отметили страх выступления перед аудиторией и преподавателем, а также субъективизм оценки со стороны преподавателя.

⁵ Под эффективностью учебно-воспитательного процесса авторы понимают усвоение значительного объема учебной информации при качественном уровне этого усвоения в заданный период времени.

Ответом на вопрос об оценке своего эмоционального состояния во время занятий, предполагающих использование активных методов обучения, и семинарских занятий с применением элементов рейтинговой системы, перечисленные выше отрицательные чувства, а также дополнительно добавив к ним неуверенность, отметили только студенты I курса перед первым семинаром. На последующих семинарах все студенты отмечали спокойствие, уравновешенность, отсутствие страха, неуверенности, надежду на поддержку товарищей, раскованность, появление уверенности при публичном выступлении, развитие чувства конкурентоспособности, удовлетворенность получения объективных баллов за выполненную работу.

При формировании и развитии коммуникативной компетенции у студентов немаловажными являются и условия обучения – состояние учебных аудиторий, мебели, освещения, режим и график учебных занятий. Психологически важно создать такие внутренние и внешние условия, в которых прочность овладения знаниями и навыками в области коммуникаций будет достигнута в разумно короткие сроки при обычной затрате сил преподавателя и обучающегося. Следовательно, для формирования и развития у студентов, будущих социальных работников, коммуникативной компетенции необходимо гуманизировать учебно-воспитательный процесс с максимальным внедрением в него коммуникативных начал, активнее применять интегративные методы обучения, сочетающие принципы коммуникативности и творческой самоактуализации личности в рамках гуманистической педагогики. Это связано с тем, что усвоение материала по социальной работе базируется не на простом его запоминании, а на усвоении социально-психологического и психолого-педагогического материала, который позволяет творчески и каждый раз продуктивно владеть этой информацией в процессе профессиональной деятельности (или коммуникации).

Практическая ценность методологической и методической ориентации на коммуникативность в обучении социальной работе, наряду с опорой на принцип творческой самоактуализации личности, по мнению авторов, заключается в следующем: коммуникативный подход предполагает формирование речевых и коммуникативных умений и навыков в условиях, максимально приближенных

к условиям естественных коммуникаций в процессе профессиональной деятельности социального работника. По сути, весь учебно-воспитательный процесс организуется как модель профессиональной коммуникации, целью которого является формирование и развитие коммуникативной компетенции.

Сложность коммуникативного подхода состоит в том, что он в значительной степени ориентирован на личность студента и, по сути, индивидуализирует процесс обучения и воспитания. Его успешность во многом зависит от умения преподавателя различными приемами и способами создавать ситуации общения в ходе учебно-воспитательного процесса. Значительное влияние оказывают его профессиональные и личностные особенности и особенно уровень развития коммуникативной способности и ее составляющих. Следовательно, коммуникативная способность преподавателя есть также одно из условий формирования и развития коммуникативной компетенции у студентов, будущих специалистов по социальной работе.

В цели профессионального обучения будущих специалистов по социальной работе входит не просто овладение коммуникативной компетенцией, а ее адекватное использование в разных социальных ситуациях и контекстах, что, в свою очередь, одновременно предполагает и ее дальнейшее совершенствование. В этом случае коммуникативная компетентность включает способность вступать в межкультурное общение с представителями других культур, что обусловлено многонациональностью и полиэтничностью социумов, в которых предстоит работать будущим социальным работникам.

Межкультурная коммуникация как теория и практика стала доминировать во всех взаимодействиях, так как в них вступают люди с разными социокультурными и психологическими установками, когнитивными структурами, наборами действий и методов их воздействия.

По-другому во взаимодействия вступают носители разных личностных идентичностей. «Сложившаяся идентичность позволяет человеку распознавать «своих» и «чужих» при столкновении с последними, осознавая «свое» только на фоне «чужого». «Свой», «чужой» и «другой» опознаются по совокупности индивидуально-физических и социокультурных признаков, причем последние яв-

ляются наиболее значимыми для межкультурного общения»⁶. В связи с этим, коммуникативная компетентность – это, кроме всего прочего, есть способность осуществлять межкультурное общение, в котором особую роль играет язык.

Актуальность межкультурной коммуникации ставит перед студентами, будущими социальными работниками, еще одну практическую задачу – задачу овладения иностранными языками и формирования вторичной языковой личности, способной вступать в межкультурное общение с представителями других культур. Именно эта способность определяется как коммуникативная компетентность, и, следовательно, цель практического овладения иностранным языком сводится к формированию, развитию и совершенствованию коммуникативных компетенций.

Как многогранное понятие, коммуникативная компетентность включает комплекс компонентов или составляющих. Большинство современных исследователей выделяют: лингвистическую, прагматическую (социо-прагматическую), социокультурную (лингвострановедческую), дискурсивную, паралингвистическую и т.д.⁷ Например, Л.С. Каменская предлагает сформировать из них три группы: лингвистическую, речевую (прагматическую) и социокультурную⁸.

Достаточно интересна и классификация субкомпетенций коммуникативной способности, предложенная Г.К. Борозенец. Она строит ее на примере обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов и выделяет: лингвокоммуникативную компетенцию (ЛКК), включающую лингвистическую, социолингвистическую, дискурсивную и стратегическую субкомпетенции; лингвострановедческую компетенцию (ЛСК), объединяющую социокультурную и социальную субкомпетенции; лингводидактическую компетенцию (ЛДК).

Далее автор пишет: «Взаимодействие компетенций речедетельностного характера (1-я лингвокоммуникативная группа компетенций) направлено на интенсивное формирование лингвокоммуни-

⁶ Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. С. 23.

⁷ Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Указ. соч. С. 93-104

⁸ Каменская Л.С. Коммуникативно ориентированное обучение. Основные характеристики и актуальные проблемы // Коммуникативная ориентированность обучения иностранным языкам в неязыковом вузе. М.: МГЛУ, 1998. С. 7-22.

кативных знаний, умений и навыков лингвистического, социолингвистического и дискурсивно-стратегического планов профориентированного общения, включая параллельное формирование лингводидактической компетенции по соответствующим составляющим коммуникативной компетентности обучающихся»⁹.

В свою очередь, «взаимодействие компетенций коммуникативного характера (2-я лингвострановедческая группа компетенций) ориентировано на активное развитие и совершенствование социокультурных контекстно-фоновых знаний и прагма-социокультурных умений и навыков профессионального общения, включая также параллельное развитие и становление лингводидактической компетенции по соответствующим составляющим коммуникативной компетенции обучающихся»¹⁰.

Все это становится принципиально важным тогда, когда речь идет об освоении студентами, будущими специалистами по социальной работе, профессионального языка как составной части их языковой коммуникативной компетенции. Этот процесс может проходить следующие стадии: ознакомление, понимание, запоминание, конструирование, употребление, популяризация в социуме, речепроизводство с использованием профессиональной терминологии. Немаловажную роль в освоении профессионального языка как средства общения со специалистами играет ведение и использование в учебное и внеучебное время глоссариев и словарей.

Коммуникативные умения – неотъемлемая компонента коммуникативной компетенции. Общеизвестным пониманием умений является способность делать что-нибудь, приобретенное знаниями¹¹.

В ходе учебно-воспитательного процесса у студентов формируются, развиваются и совершенствуются профессиональные знания, умения и навыки в области социальной работы, которые также являются неотъемлемой частью коммуникативной компетенции. При этом образуется динамическая взаимообусловленность и взаимодействие профориентированных знаний, осознаваемых и автоматизированных речевых навыков и умений, усиливающих в це-

⁹ Борозенец Г.К. Указ. соч. С. 98.

¹⁰ Там же. С. 97-98

¹¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1953, С. 330, 769.

лом коммуникативную компетентность будущих специалистов по социальной работе.

В психологии (и методике) различают два вида умений. Прежде всего, это первичные простые умения, то есть умения, связанные с сознательным выполнением какого-либо действия при концентрации на нем произвольного внимания. Выделяют и вторичные, сложные умения, при которых определенные действия выполняются автоматически.

В процессе практики, то есть выполнения определенных заданий и упражнений на учебных занятиях и в ходе производственной практики, первичные осознаваемые умения переходят в автоматизированные навыки. Следовательно, умение представляет собой деятельность студентов по выбору необходимого материала из всего усвоенного в соответствии с ситуацией общения. Умения могут быть речевыми (вербальными) и неречевыми (невербальными).

В учебно-воспитательном процессе по социальной работе особое внимание уделяется формированию коммуникативных умений в условиях, максимально приближенных к реальному общению.

По мнению авторов, формирование, развитие и совершенствование коммуникативной компетенции у студентов, будущих социальных работников – это непрерывная интеллектуально-познавательная деятельность по приобретению и «присвоению» (интериоризации) совокупности знаний по теории коммуникаций, соответствующих коммуникативных действий, умений и навыков, социокультурного и межкультурного опыта, нравственно-этических норм и правил речевого и коммуникативного поведения в ходе учебно-воспитательного процесса.

При этом усвоение знаний по теории коммуникаций является важной частью процесса обучения¹². С.Л. Рубинштейн включает в него восприятие, осмысление, запоминание и овладение учебным материалом, которое дает возможность студентам свободно пользоваться им в ситуациях общения. Овладение учебным материалом по теории коммуникации дает возможность оперировать им в целях дальнейшего обучения и одновременно применять на практике. За осмыслением следует переосмысление, практика использования и свободное воспроизведение материала. В процессе усвоения ма-

¹² Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946. С. 704.

териала по коммуникативной теории особое значение принадлежит формированию коммуникативных навыков.

Навык – это способность, означающая совершенство или автоматизм выполнения действия при отсутствии направленного контроля со стороны сознания. Навык отличается стандартизованностью, стабильностью, быстротой и качеством исполнения. Этапы развития навыка есть проекция общей схемы процессов усвоения знаний и выработки действий (умений).

Выделяют три этапа развития любого навыка (в том числе и коммуникативного): подготовительный (аналитический), стандартизирующий (синтетический) и варьирующий (ситуативный)¹³.

На подготовительном, или аналитическом, этапе после ознакомления с приемом выполнения соответствующей операции коммуникативного действия навык отличается сознательным, но еще неумелым, неточным и не вполне контролируемым характером выполнения. На втором, стандартизирующем, или синтетическом, этапе происходит автоматизация навыков как элементов коммуникативного действия с повышением качества исполнения, переносом внимания на результат операции, улучшением контроля за слиянием операций в действие. На варьирующем, или ситуативном, этапе развития навыка при одновременной приспособляемости к ситуации происходит овладение автоматизированностью выполнения навыка и произвольным регулированием характера коммуникативного действия. С.Л. Рубинштейн отмечал, что навык есть единство автоматизма и сознательности, устойчивости и изменчивости, фиксированности и лабильности.

Таким образом, проблема формирования, развития и совершенствования коммуникативной компетенции у студентов, будущих специалистов по социальной работе, как одна из целей учебно-воспитательного процесса в условиях модернизации системы российского образования пока лишь обозначена. Ее решение возможно при создании определенных субъективных и объективных условий, а также при использовании активных методов обучения

¹³ Подробнее: Ительсон Л.Б. Учебная деятельность ее источники, структура и условия // Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии. Работы советских психологов периода 1946 – 1980 гг.; под ред. И.И. Ильева, В.Я. Ляудис. М, 1981. С. 189-193.

(ролевая игра, мозговая атака, групповая дискуссия и применение кредитной системы оценки знаний студентов).

П.Г. Уткин

Специфика создания и деятельности российских общественно-политических молодежных организаций

В условиях формирования гражданского общества в России наблюдается рост активности влияния различных общественно-политических организаций и движений. В 2005 – 2006 годах начался всплеск молодежной активности. В Москве стали появляться молодежные общественно-политические организации, формироваться их региональные сети. Подчас оппозиционные друг другу, эти объединения все в большей степени стали определять политическую ситуацию среди молодежи.

Главной задачей молодежных социально-политических организаций (объединений) является создание социально-экономических и политических условий для реализации молодежью своих функций в изменяющемся мире. Общественными организациями (объединениями) признаются добровольные объединения граждан, в установленном законом порядке объединившихся на основе общности их интересов для удовлетворения духовных или иных нематериальных потребностей [1]. Общественные организации являются некоммерческими организациями. Они вправе осуществлять предпринимательскую деятельность лишь для достижения целей, ради которых они созданы, и соответствующую этим целям. Общественные организации (объединения) являются составной частью политической организации общества. Сейчас в России насчитывается около 20 тысяч молодежных объединений и организаций, более 80 из которых являются массовыми [2].

Что же заставляет молодежь объединяться в общественные организации и движения? Отвечая на этот вопрос, обычно выделяют три основных фактора:

1. Осознание наличия проблемы. То есть молодой человек должен понимать, что существует проблема, касающаяся как его лично, так и его товарищей. Данная проблема должна быть серьезной и общественной, т.е. затрагивать интересы большей части молодежи и даже не только молодежи.

2. Осознание необходимости и возможности перемен. Особенно важное значение здесь имеет слово «возможности». Ведь очень часто молодые люди осознают наличие проблемы, но не осознают возможности ее решения.

3. Осознание необходимости объединения (а значит, и подчинения какому-либо выборному руководящему органу) для борьбы за реализацию тех или иных своих интересов.

Таким образом, появляется несколько наиболее убежденных и решительных молодых людей, они находят друг друга, создают тот или иной координирующий орган (это может быть организационный комитет, стачечный или забастовочный комитет, просто штаб, общественная молодежная организация и т.д.). После этого начинается агитация в широких молодежных массах, которая может приобретать разнообразные формы.

Если идея, предлагаемая активистами, действительно находит популярность в среде молодежи, то молодые люди пополняют ряды активистов (чаще всего ряды общественной молодежной организации). В итоге, набрав силы, активисты от имени всей поддерживающей ее молодежи выдвигают определенные требования. Если они не выполняются, устраивают митинги, забастовки, другие акции гражданского неповиновения.

Однако широко известно, что подавляющая часть молодежи избегает политики и это отражается на процессе объединения.

Современная российская молодежь характеризуется рядом одновременно взаимодействующих факторов: абсентизмом и уклонением от традиционного политического участия, а также склонностью к радикализму и политическому эпатажу, которые сочетаются с практиками массированного информационного воздействия со стороны государственно-бюрократических структур. Естественно, что это не может не отражаться на деятельности молодежных организаций. Выделяют несколько барьеров, препятствующих вступлению молодежи в общественные организации:

1. Имидж и репутация самой организации. Так как отсутствуют устоявшиеся традиции и общественное согласие, то участие в общественной организации ассоциируется с политической или социальной маргинальностью, устойчивым негативным имиджем.

2. Нередко общественные организации в молодежной среде сравнивают с образом скандалистов и нарушителей спокойствия или функционеров комсомольского образца, делающих политическую карьеру. Первое ассоциируется со слабостью, неспособностью «решить свои проблемы нормальным путем», а «качать» свои права, второе – со стремлением к карьеризму.

3. Широко продвигаемый в отечественных СМИ образ оппозиционных молодежных организаций, финансируемых и соответственно контролируемых и управляемых Западом через свои благотворительные фонды или их российские представительства. Этот барьер значим на фоне роста «нового патриотического сознания» среди молодых россиян.

4. Борьба и разборки внутри самого молодежного движения.

5. Искусство презентации.

6. Недоверие. Это самое сложное препятствие. По мнению самих молодых людей, в эти организации чаще всего вступают те, кто делает политическую карьеру или находит нетрадиционные способы зарабатывать хорошие деньги, благодаря спонсорской помощи и ухода от налогов [3].

Так как оказывается постоянное влияние со стороны наиболее авторитетных и массовых партий, «правящей партии» и государства, то претендующие на массовость молодежные общественно-политические организации, во-первых, характеризуются определенной элитарностью или контрэлитарностью; во-вторых, становление молодежных организаций отличает значительная внутригрупповая дифференциация ценностных установок и ориентаций; в-третьих, в лидерском слое молодежных движений значительные позиции и влияние принадлежит представителям политико-административных элит, предпочитающих конформистский образ социального поведения и, в-четвертых, весьма влиятельной группой являются лидеры радикальных и экстремистских организаций.

Молодежь привлекают и правые, и левые политики, и Кремль, и партия власти – «Единая Россия». Конкуренция на рынке молодежных организаций резко ужесточилась. Все это явилось следст-

вием «цветных революций» в Грузии и Украине, где именно молодежь стала «ударной силой» улиц. В то же время молодежь продолжает в большей мере оставаться аполитичной, что влечет за собой проблемы ее мобилизации.

При анализе существующих в современной России молодежных объединений их условно можно разделить на: провластные (конформистские или консервативные «Молодая гвардия», «Наши», «Россия молодая» и консервативных патриотов, идеология которых носит национал-патриотический или левый характер: «евразийцы» и т.д.) и оппозиционные: левые (СКМ, АКМ и др.) и правые («Оборона», «Да!» и множество других). Особняком здесь стоят организации, которые создаются как бизнес-проекты («Пора», «Идущие без Путина», «Мы» и др.).

Многим молодежным организациям свойственна демонстрация агрессии: это видно как в названиях, так и в структуре. У «Наших» руководство включает в себя федеральных комиссаров и обычных комиссаров. Само название подразумевает наличие «не наших» — по сути «врагов», под которыми подразумеваются организации, финансируемые из-за рубежа: судя по всему, они и должны стать главным объектом «насильственного» сохранения нынешнего строя.

Провластные молодежные организации, подчеркнуто защищающие существующее политическое руководство, имеют общие черты:

1. Антиоппозиционность. Выражена в общности манифестов: антифашизм (куда включаются и оппозиционные либералы), борьба с «оранжевой угрозой», критика бюрократии.

2. Общность мотивации: ставка на реализацию карьерных амбиций, самореализацию, получение расширенных возможностей продвижения, мотивация участия в этих организациях носит преимущественно корыстный характер, а идеология либо вторична, либо просто декоративна.

3. Подчеркнутая агрессия, которая их объединяет.

4. Контроль над их деятельностью администрацией президента.

Левая и леворадикальная оппозиция отличается реальным идеологическим наполнением. Даже те организации, которые декларируют приход к власти мирным путем, внутренне допускают и

революционный путь развития. Молодежь в таких организациях весьма радикальна, часто настроена националистически и самое важное, не способна увидеть для себя пути самореализации в рамках существующих возможностей. Речь идет о вопросах получения конкурентоспособного образования и выстраивания стратегии карьеры. Левая и леворадикальная оппозиция является наиболее дееспособной уличной силой из-за сильной идеологической, а не материальной мотивации.

Однако, несмотря на принципиальные существенные различия между данными молодежными общественно-политическими объединениями, иногда они вынуждены действовать заодно, подчеркивая единство в масштабах страны: так, в ноябре 2007 г. представители ведущих молодежных организаций подписали соглашение «Молодежные общественно-политические организации за честные выборы – 2007». Против грязных технологий выступили молодогвардейцы, «Наши», молодежные крылья «Справедливой России» и СПС, Молодежный центр ЛДПР и другие общественно-политические молодежные объединения.

Все участники соглашения в период кампании по выборам депутатов Государственной Думы 2007 обязались:

- не нарушать действующее выборное законодательство;
- не применять «грязных» избирательных технологий;
- агитировать молодое поколение за голосование на выборах в Государственную Думу 2007;
- призывать всех участников избирательного процесса действовать строго в рамках действующего законодательства и др. [4].

Таким образом, создание и деятельность современных российских молодежных организаций имеет целый ряд специфических особенностей, которые необходимо учитывать при работе с молодежью по привлечению ее к активной политической жизни. В случае повторного невыполнения требований молодежи акции становятся все более «агрессивными», часто повторяющимися, массовыми. При этом могут быть аресты молодежных активистов, другие виды преследования и травли, провокации и т.д. Но если молодежь будет непоколебима, не будет отступать от намеченного, если масса молодежи будет подчиняться выбранному авторитетному руководящему органу, то она одержит победу.

✓ Литература

1. См. Большой юридический словарь. М., 2007. С. 236.
2. См.: Молодежные движения и организации РФ. Справка 27/06/2006 //РИА Новости.
3. См. Омельченко Е.Л. Субкультуры и культурные стратегии на молодежной сцене конца XX века: кто кого? // Неприкосновенный Запас, Дебаты о политике и культуре. 2004(б). № 36. С. 53-61.
4. См. Мозговой К. Чистое дело // Вечерняя Москва. 2007. № 212. 14 нояб. С. 7.

А.Г. Шатохин

Совершенствование системы подготовки и переподготовки работников

Поскольку работникам в условиях перехода к рынку придется часто менять место работы и повышать свою квалификацию на протяжении всей трудовой жизни, возрастает значение системы подготовки и переподготовки работников. Государство, как и прежде, должно и будет играть ведущую роль в стимулировании профессионального обучения и переобучения работников. Однако оно не должно являться лишь единственным источником финансирования этой деятельности.

Государству необходимо поощрять с помощью налоговых льгот как предприятия, так и частных лиц, которые стремятся взять на себя организацию и проведение программ обучения в соответствии с собственными потребностями. Возможно, на нынешней стадии формирования рынка труда лишь налоговых льгот может быть недостаточно для достижения этой цели, так как не все предприятия способны проводить профессиональное обучение своих работников, даже при том, что оно является важнейшим фактором для их выживания на конкурентном рынке.

Кроме того, частный сектор не способен обеспечить профессиональную подготовку и переподготовку наиболее социально уязвимых групп населения: безработных, инвалидов, молодежь.

Развертывание программ профессионального обучения и переобучения необходимы как в государственном, так и в частном секторе экономики.

Инвестиции, используемые на образование, повышение квалификации, обучение новым профессиям, переподготовку кадров, имеют большое значение для улучшения качества рабочей силы, которое является важнейшим элементом конкурентоспособности работников. Применение же современного технологического оборудования требует высококвалифицированной рабочей силы.

Основным показателем качества рабочей силы является уровень образования. По оценкам отечественных и зарубежных специалистов, качество рабочей силы обуславливает 10 – 15% уровня производительности труда и занимает второе место после фактора научно-технического прогресса. Зарубежный опыт свидетельствует, что влияние данного фактора постоянно возрастает, а инвестиции, используемые на повышение качества рабочей силы, считаются не менее рентабельными, чем те, которые затрачиваются на новое оборудование.

Научно-технический прогресс предъявляет все более высокие требования к уровню образования и профессиональной подготовке работника. Например, еще десять лет назад компьютер можно было встретить лишь в лаборатории крупного научно-исследовательского института, а сегодня компьютерная грамотность, или как минимум навык работы на персональном компьютере, зачастую является одним из условий приема на работу.

Например, по мнению японских исследователей и специалистов западноевропейских стран, ничто не внесло в действительности такого большого вклада в превращение Японии в страну с гигантским экономическим потенциалом и высокоразвитой технологией производства, как ее система образования, которая является составной частью локомотива, движущего все японское общество в направлении модернизации.

Однако хотя формально образовательный уровень работников повысился, но на конкурентоспособности работников это в такой же степени не отразилось. Очевидно, что сам по себе уровень образования, профессия, которая пользуется спросом на рынке труда, – являются лишь необходимыми, но не достаточными условиями для получения вакантного рабочего места.

Таковыми условиями, на наш взгляд, являются социально-психологические свойства работника: творческие способности, темперамент, знания и убеждения, взгляды на происходящие перемены, активность, коммуникабельность и др.

Если бы при анализе конкурентоспособности работников мы ограничивались только показателями производственно-экономических качеств: квалификация, уровень образования, профессиональный опыт, дисциплинированность и др., то пришли бы к ошибочному выводу, что конкурентоспособность работников повышается, поскольку уровень образования рабочей силы с каждым годом становится все выше. На самом деле дело обстоит не совсем так.

Например, в Москве в настоящее время самое большое количество незаполненных вакансий – менеджеры по продажам. Сменился работодатель – изменился и набор требований, которые предъявляют к потенциальному работнику. Подавляющее большинство руководителей в первую очередь обращают внимание на такие личные качества кандидата, как стрессоустойчивость, инициативность, оптимизм, коммуникабельность и обаяние, компетентность, знание делового этикета и др.

Для половины компаний, в особенности тех, что нацелены на товары широкого спроса, наличие какого-либо диплома вообще является несуществующей деталью при приеме на работу в отдел продаж. Главное, чтобы менеджер хорошо знал теорию и практику продажи в российских условиях. Желательно также, чтобы новый сотрудник был знаком с основами психологии, экономики и рекламы. Самое важное для работодателей – поведенческие характеристики, а специфику работы, считают они, освоить нетрудно.

Как нам представляется, очень важно совершенствовать профессиональную подготовку граждан по профессиям и специальностям, которые соответствуют потребностям экономики и обеспечивают конкурентоспособность работников на рынке труда. Также необходимо формировать у работников активную позицию на рынке труда, которая предполагает самостоятельное, творческое, гибкое поведение.

Особенности института обязательного пенсионного страхования в России

Более ста лет на европейском континенте в пенсионных системах Германии, Австрии, Франции, Италии, Греции, Швейцарии, странах Бенилюкса доминирует модель Бисмарка, в которой центральное звено занимает институт обязательного пенсионного страхования. Попытка создания такой модели была предпринята и в нашей стране. Законодательство РФ создало формальные институциональные рамки для функционирования обязательного пенсионного страхования (ОПС), основными формами которого являются страховая и накопительная части трудовой пенсии по старости. Общеизвестно, что ОПС действует на основе определенных принципов. Некоторые из них мы анализируем, сравнивая их действие в западноевропейских странах и в России.

Первый принцип – *размер страховых взносов и выплат ориентирован на замещение заработной платы при наступлении страховых случаев*, т.е. размер пенсий и пособий зависит от размера заработной платы, величины страховых платежей и продолжительности страхового стажа. Этот принцип не только позволяет поддерживать средний уровень, достигнутый работником в течение трудовой деятельности, но и стимулирует его к повышению производительности труда и увеличению собственных доходов.

Об эффективности проведения пенсионной реформы можно судить по коэффициенту замещения, который определяется как отношение размера пенсии к размеру заработной платы, выраженное в процентах. Нормы 102-й Конвенции МОТ предусматривают минимальные коэффициенты замещения в диапазоне 40 – 50%, а нормы Европейской социальной хартии определяют эти показатели на уровне не менее 55 – 60%¹. По мнению социологов, для сохра-

¹ Ржаницына Л. Желаемое или действительное // Пенсионное обеспечение. 2004. № 4. С. 3–8.

нения привычного образа жизни пенсия должна составлять около 70% дохода работающего².

В России мы можем наблюдать изменение этого коэффициента: 1992 г. – 26%, 1995 г. – 40%, а затем до 2001 г. изменения были незначительные. С 2001 г. началось снижение коэффициента, и к началу 2005 года он уже понизился до 27%. В промышленно развитых странах это отношение составляет в среднем 45% (в Греции коэффициент замещения составляет 80%, Италии – 69%, Нидерландах – 64%, Германии – 49%, Швейцарии – 37%).

Второй принцип – *оптимальное сочетание интересов субъектов правоотношений* Распределение страховой нагрузки между работниками и работодателями происходит на паритетной основе. В нашей же стране трудовая пенсия формируется за счет обязательных страховых взносов работодателей, а работающие граждане в финансировании обязательной страховой пенсии участия не принимают. Поэтому предприниматели не заинтересованы в перечислении единого социального налога в соответствующие бюджеты и часть зарплаты выплачивают в «конвертах».

Третий принцип – *профессиональная солидарность*, которая предусматривает существование страховых фондов, управляемых на паритетных началах наемными работниками и предпринимателями. Фонды аккумулируют социальные отчисления с заработной платы, из которых и осуществляются страховые выплаты. Подобные страховые системы, как правило, не финансируются из государственного бюджета. В нашей стране страховые взносы становятся собственностью государства: поступают в ПФР или в госбюджет, т.е. перераспределяются через государственные структуры. Размеры страховой пенсии определяются исходя из финансовой обеспеченности ПФР, а также социально-политических и прочих конъюнктурных соображений. Предполагается, что эти выплаты должны осуществляться, исходя из строгих экономических (актуарных) расчетов, с учетом долго- или среднесрочной стратегии.

В вышеназванных странах модель Бисмарка многие годы отличалась высокой надежностью социальной помощи, высоким

² Хмыз О. Реформирование российской системы пенсионного обеспечения: pro et contra // Вопросы экономики. 2003. № 12. С. 56–67.

уровнем страховых выплат, демократичностью управления и прозрачностью финансовых потоков. Однако в последние годы в ряде европейских стран модель Бисмарка подвергается серьезной корректировке с целью исправления возникшего дисбаланса бюджета социального обеспечения и решения проблем, связанных с радикально изменившейся демографической обстановкой.

Так, например, в марте 2008 года греческие парламентарии начали обсуждать законопроект, который предусматривает повышение пенсионного возраста и сокращения пенсий. Причем эти меры носят своеобразный характер. Пенсионный возраст не просто повышается, а создаются стимулы для продолжения работы после достижения пенсионного возраста, который на сегодня равен 65 годам для мужчин и 60 годам для женщин. Кроме того, реформа предусматривает, в частности, объединение 133 раздробленных Пенсионных фондов в 13 более крупных, что повлечет за собой усреднение, а частично и снижение пенсионных выплат. Мы считаем, что в России номинальное сокращение нищенских пенсий вряд ли можно рассматривать как метод решения пенсионной проблемы. Однако стимулирование продолжения работы после достижения пенсионного возраста может быть вполне реальным.

Вывод. Институт обязательного пенсионного страхования в России существенно отличается от европейского и требует реформирования. Однако речь идет не о копировании европейской модели, а лишь об унификации основных базовых показателей, которые в первую очередь были бы адекватны определенному историческому и институциональному процессу, происходящему в нашей стране.

П.В. Штарев

Безопасность: концептуализация представлений

Идея безопасности менялась с течением времени, но при всех изменениях политическое понимание смысла безопасности заключалось в представлении о состоянии или цели, выстраивающих

взаимоотношения между индивидами и государствами или обществами. Рассмотрим более подробно концептуально оформленные итоги исторического развития представлений о безопасности в политическом сознании.

Концепция национальной безопасности главную роль отводит государству, которое является попечителем своих граждан, единственным законным и равным партнером во взаимоотношениях с другими государствами. И только в таких взаимоотношениях оно готово несколько поступиться своей субъектностью, но что касается задач внутренней безопасности, решаемых в национальных границах, то тут прерогативы государства незыблемы.

Данная концепция основывается на двух взаимосвязанных принципах обеспечения безопасности. Согласно первому из них безопасность обеспечивается законом, который обеспечивает государственную монополию на власть, а не устанавливается людьми в соответствии с их представлениями о справедливости. Второй принцип неразрывно связывает безопасность с суверенитетом: только абсолютно суверенное государство может стать полноправным субъектом международной безопасности.

Суверенитет, как известно, принадлежит народу. Но текущие задачи по его сохранению и практическому осуществлению выполняются небольшой частью народа (элитой). Элита имеет собственные корпоративные интересы, которые реализуются силами государства через функцию обеспечения безопасности на государственном уровне и контроль над механизмами государственной власти. Поэтому монополия государства в области безопасности защищена.

Высшей целью этой концепции, является достижение государством такого сочетания внутренних и внешних условий существования, при котором обеспечивается его территориальная целостность и исключается возможность насильственного изменения его политического строя. Каждое государство самую главную угрозу своей безопасности видит в угрозе его территориальной целостности, самый главный источник угрозы – в других государствах и сепаратистских движениях. Средством отражения или сдерживания такой угрозы является военная сила, поэтому военная безопасность приобретает первостепенное значение в любой концепции национальной безопасности.

Отличительным качеством концепции национальной безопасности является ее жесткая иерархичность. Все субъекты, объекты, аспекты и цели безопасности в ней строго ранжированы. Вместе с тем, под влиянием угроз, создаваемых другими субъектами безопасности, возможны сдвиги в приоритетах, закрепленных концепцией. Однако, если угрозы спровоцируют объективное столкновение целей безопасности, руководители государства будут решать, какие цели являются первоочередными, а какие можно отложить. Все, что связано с самосохранением государства, его пространства и правящих в нем властных структур, являются первоочередными целями.

Безопасность в рассматриваемой концепции выглядит следующим образом. Ее основные факторы – это государство, общество, люди, располагаемые в неизменном порядке по степени их важности. Ее первоочередными целями являются цели безопасности государства, без достижения которых невозможно достижение своих целей другими субъектами: территориальная целостность государства, соблюдение принципов его устройства, сохранение им полной политической субъектности в системе международных отношений. Аспектами безопасности являются обеспечение обороноспособности, стабильности, снижение общего уровня внешних угроз.

Концепция общей безопасности решительно оспаривает претензии национального государства на исключительное положение в области безопасности. Причем касается это не только внешней безопасности, но и внутренней. За группами граждан, органами местного самоуправления, неправительственными и надгосударственными организациями, национальным и международным общественным мнением признаются не меньшие права, чем за государством.

В данной концепции главным является комплекс представлений о безопасности человека, понимаемой как единство социальных условий, обеспечивающих достойное выживание, благосостояние и свободу. В первую очередь, это физическая безопасность в широком смысле слова – сохранность жизни человека, здоровье, защищенность от голода, неблагоприятных природных воздействий, социального и политического насилия, угрожающих жизни и здоровью. К этому физическому аспекту безопасности добавляю-

ся четыре других. Первый – экономическая безопасность: доступ к вознаграждающей занятости, обеспечивающей не только удовлетворение базовых потребностей, но и формирование страхующих сбережений «на черный день». Второй – социальная безопасность: достойный статус и гарантии предотвращения угроз физической и экономической безопасности, предоставляемые формальными и/или неформальными общественными институтами и государством. Третий – этнокультурная безопасность, предполагающая безопасность этнической идентичности личности и общности (общностей), с которой (которыми) личность себя отождествляет, а значит – и возможность воспроизводства и развития культуры, разделяемой личностью с общностью (общностями). И, наконец, четвертый аспект – безопасность достоинства. В отличие от всех предыдущих он трудно локализуем в какой-то особой сфере деятельности, пронизывает все другие аспекты, является сугубо качественным показателем, своеобразным индикатором гуманистической полноты безопасности. Цена безопасности для человека значит нередко не меньше, чем сама безопасность. И если за выживание надо платить унижением, то при всем возможном разнообразии обеспечиваемых человеку видов безопасности все они будут основываться на подавлении индивидуальности. Это будет видовая, биологическая безопасность, а не личная, человеческая безопасность.

Концепция общей безопасности признает множественность факторов безопасности: среды обитания, экономическая, социальная, политическая, военная и пр., не выстраивая в ней жесткую иерархию. Они располагаются в единой цепи, которая подвижна, из нее под влиянием ситуационных изменений на первый план выдвигается то один, то другой аспект безопасности, в котором более других заинтересован тот или иной субъект безопасности. Когда же возникает ситуация конкурирующих безопасностей, выбирается наиболее угрожаемый аспект и самый уязвимый объект безопасности. Именно на них должны соединиться усилия всех субъектов, направленные на обеспечение безопасности. И объекты, над которыми нависает наибольшая угроза потери безопасности, должны занять положение самых деятельных, самых активных субъектов отражения угрозы.

Вместе с тем в процессе развития и систематизации концепции общей безопасности стало заметно, что концепция игнорирует национальное своеобразие и вековые культурные традиции, отражая лишь европейские ценности, которые неприемлемы для народов других культур и цивилизаций. Особенно это актуально для государств с недемократическими моделями политического устройства. Недостаточное внимание к чрезвычайно значимому аспекту безопасности – этнокультурному, является большим минусом концепции общей безопасности.

Сильная сторона концепции общей безопасности заключается в том, что она полагает человека целостным, а не сугубо функциональным агентом безопасности. В ее основе лежит убежденность во множественности, разнообразии и тем не менее взаимозависимости всех субъектов безопасности в мире.

Концепция социетальной безопасности – это приоритетная система защиты благ, накопленных уникальной социокультурной средой, от угрожающих внешних воздействий. В этом убеждает сам перечень возможных угроз социетальной безопасности: давление на комфортность социальной среды, образуемой материально преуспевающим, но стареющим населением, массы относительно молодых и бедных мигрантов; усугубление собственных экологических проблем Европы неэффективным управлением технологическими процессами в соседних регионах; проникновение на Запад организованной преступности, пышным цветом распускающейся на Востоке из-за слабости и коррумпированности власти; «перелив» последствий этнических конфликтов и «импорт» терроризма.

Составители подобных перечней совершенно открыто указывают, где лежит угрожаемый оазис благоденствия (в Европе, на Западе) и откуда идут угрозы (с Востока, из Африки). Следовательно, речь идет о пространственно ограниченной безопасности. Правда, ее разработчики не утверждают, что она предназначена только для Европы или для развитых стран в целом. Но заботит их именно европейская или атлантическая безопасность. Подразумевается, видимо, что другие страны сами должны подумать о своей социетальной безопасности. Это, конечно, справедливо. Вот только целостный подход к безопасности как к общему делу всего человечества утрачивается и замыкается на безопасности крупных региональных сообществ.

В законченном виде концепция социетальной безопасности, пожалуй, и не существует. Пока есть только соединение отдельных высказываний, мнений, цитат и тем. Она не дает четкого представления, но направление уже задано – грядущее «столкновение цивилизаций». Указанное направление угадывается и в том специфическом видении безопасности, которое популярно сейчас в бывших социалистических странах Восточной Европы, вступивших или желающих вступить в НАТО, где все члены находятся в сильной взаимозависимости от единого «сообщества безопасности». Безопасность, обеспечиваемая НАТО, более надежна, чем безопасность, обеспечиваемая структурами типа ОБСЕ или ООН. Члены НАТО выбирают «безопасность обязательств», что влечет за собой их «преимущественную ответственность» за часть мира, охваченную системой обязательств.

Таким образом, они защищают пространство безопасности от остального, небезопасного мира. Действует так называемый принцип вмешательства, применяемый избирательно, в зависимости от того, входит государство в общее пространство безопасности или нет, и это является главным недостатком данной концепции.

С.Д. Шокин

Первая Чеченская война: истоки и начало (1991 – 1997 гг.)

Русские офицеры – участники Кавказской войны XIX века в своих мемуарах единодушно отмечали, что горцы ненавидят «белого царя» и при первой же возможности обязательно попытаются вырваться из-под его владычества. Новый век подтвердил справедливость данного суждения. Как только мощное государство по каким-либо причинам ослабляло вожжи управления Северным Кавказом, он, как необъезженный конь, сразу же вставал на дыбы.

Непосредственные причины современного чеченского конфликта следует искать в процессах, связанных с распадом СССР. Первый сигнал прозвучал еще в конце августа 1991 г., когда в Чечено-Ингушской республике прошли массовые митинги с требова-

нием отставки непопулярного Верховного Совета. 6 сентября он был насильственно распущен. Власть перешла к Общественному конгрессу чеченского народа под председательством генерала авиации Д. Дудаева. Взяв на вооружение лозунг национальной независимости, он стал самым популярным в ЧИР политическим лидером и в обход всех норм и процедур выдвинул свою кандидатуру на пост ее президента. Попытки Центра одернуть строптивного генерала были восприняты в ЧИР как вмешательство в ее внутренние дела¹.

В октябре 1991 г. в результате выборов первым президентом независимой Чечни стал Д. Дудаев. Оставаясь в рамках РФ, в самостоятельную республику выделилась Ингушетия. На эти события Центр откликнулся Указом российского президента о введении в Чечне чрезвычайного положения², но бурная реакция ее населения, едва не вылившаяся в вооруженные столкновения, заставила Б. Ельцина вскоре отменить свой указ.

Для стабилизации положения одной независимости оказалось недостаточно. Тогда Д. Дудаев попытался использовать такие рычаги, как патриархальные обычаи и исламские традиции чеченского общества. К участию в управлении он призвал представителей интеллектуальной элиты. Замыслы президента были велики, но механизм проведения их в жизнь практически отсутствовал. В республике господствовал «беспредел». По оперативным данным МВД РФ в 1992 – 1993 гг. на территории Чечни ежегодно совершалось до 600 умышленных убийств, что в 7 раз превышало показатели 1990 г.³ В условиях кризисного состояния экономики, коррупции аппарата и роста преступности дудаевская «демократия» быстро обернулась личной диктатурой. Уже через год после провозглашения независимости почти вся грозненская интеллигенция отказалась от поддержки режима Дудаева. Однако общая политическая ситуация в республике в 1992 – 1993 гг. характеризовалась относительным спокойствием. Безуспешность попыток урегулировать конфликт

¹ Чеченская трагедия. Кто виноват? М., 1995. С. 15–16; Россия и Чечня. 1990 – 1997 гг. Документы свидетельствуют. М., 1997. С. 22.

² Россия и Чечня... С. 29-31.

³ Криминальный режим. Чечня. 1991-1995 гг. Факты, документы, свидетельства. М., 1995. С. 20, 22, 24.

мирным путем заставила Центр сделать ставку именно на оппозицию.

Получив поддержку Москвы, она летом и осенью 1994 г. перешла в наступление, которое было сравнительно легко отбито дудаевскими гвардейцами. Отряды Дудаева уверенно контролировали чеченскую столицу и большую часть районов республики. Центральные СМИ наперебой заговорили о неизбежности военного вмешательства.

Решение о введении федеральных войск в мятежную республику было принято на высшем уровне (Президент РФ, Совет безопасности РФ) 29 ноября 1994 г., секретный Указ Президента № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики» появился 30 ноября, а сама операция началась 1 декабря⁴. Однако наскоро подготовленный план кампании оказался скомканным. С самого начала войны информация с театра боевых действий имела до странного противоречивый характер. Разноголосица царила в оценках численности пленных, военных потерь и жертв среди гражданского населения.

Война в Чечне вызвала в стране настоящую политическую бурю. Последовательные сторонники президента – демократы из «Выбора России» – резко осудили его действия, квалифицировав их как авантюру и грубейшее нарушение Конституции под флагом сохранения государственного единства. Оппозиционеры-«державники», напротив, поддержали Б. Ельцина и выдвинули лозунг «Родина – выше политики!». Но предложить реальный план урегулирования конфликта тогда так никто и не смог. В обществе росли антиармейские настроения, подогреваемые демократическими СМИ. Так армия оказалась заложницей «топорных» действий политиков и кабинетных генералов.

В армейской среде широкое хождение получило мнение, что сопротивление дудаевцев неизбежно приобретет форму классической партизанской войны, причем в сложнейших горных условиях. К этому мрачному прогнозу подталкивал весь ход боевых действий. Правда вспоминали тогда главным образом Афганистан и зна-

⁴ Ляховский А. Зачарованные свободой. Тайны кавказских войн. Информация. Анализ. Выводы. М., 2006. С. 298-299.

чительно реже Большую Кавказскую войну прошлого века; о ее печальном опыте заговорят позже. Как показали события последующих месяцев, сопротивление дудаевцев на равнине продержалось до весны и с открытием перевалов переместилось в горные районы. Сам Дудаев, скрывшийся из Грозного, продолжал контролировать своих сторонников. Таким образом, война принимала затяжной характер, а полная победа России становилась проблематичной. Противники заявляли о своей готовности к переговорам, но выдвигали заведомо неприемлемые друг для друга требования. Д. Дудаев настаивал на выводе всех российских войск с территории республики и признании Россией ее независимости, Москва – на аресте Дудаева и полном разоружении его формирований.

В середине июня Россия была потрясена ужасными событиями в Буденновске – райцентре Ставропольского края. 14 июня тяжелооруженный отряд чеченских боевиков во главе с «полевым командиром» Ш. Басаевым после рейда по контролируемой российскими войсками территории (!!! – автор) захватил город. Потребовалось 5 страшных дней Буденновска, чтобы стороны перешли от взаимного кровопролития к переговорному процессу. Переговоры начались 19 июня 1995 г. в Грозном в миссии ОБСЕ и при ее активном посредничестве. Неожиданно быстро были согласованы военные вопросы: федеральные войска выводятся из Чечни, где остаются только части МВД; чеченские отряды сдают оружие, обе стороны отказываются от мести и производят обмен военнопленными по схеме «всех на всех». Куда сложнее обстояло дело с политическим блоком вопросов. Решительно отклонив проект создания коалиционного правительства, чеченская сторона вновь поставила на обсуждение идею признания Москвой режима Дудаева и его правительства. В конце концов стороны заявили, что решение проблемы статуса Чечни будет отложено до проведения выборов, которые должны были состояться не позднее ноября 1995 г. Подготовку к ним будет осуществлять Временная общественная палата⁵. Как выяснилось позже, за время ведения переговоров дудаевская армия успела перегруппироваться и пополнить свои ряды. В конце августа Москва заявила, что российские войска из Чечни выведены

⁵ Гродненский Н. Неоконченная война: История вооруженного конфликта в Чечне. Минск, 2004. С. 188-190.

не будут «до полного разоружения бандформирований». Ответ боевиков последовал немедленно – это «новое объявление войны». Конфликт вспыхнул с новой силой. В конце 1995 г. и первой половине 1996 г. ситуация в республике продолжала оставаться крайне напряженной.

Между тем в России приближались президентские выборы, верхам требовалось любой ценой переизбрать утратившего авторитет Б. Ельцина, а для этого нужен был мир в Чечне. Благоприятные условия для завершения войны создавала и ликвидация 21 апреля Д. Дудаева, осуществленная путем проведения спецмероприятий в районе села Гехи – Чу⁶. Руководство чеченскими вооруженными формированиями перешло к А. Масхадову. Обязанности президента Чечни стал исполнять З. Яндарбиев.

В рамках предвыборной кампании Б.Ельцин посетил Чечню, где на аэродроме в Ханкале перед строем солдат и офицеров заявил: «Вы победили! Банды разгромлены, война закончена!». В это время в штабах бандформирований разрабатывались планы штурма Грозного, а жизнь самого президента находилась под угрозой⁷.

31 августа 1996 г. в дагестанском городке Хасавюрт секретарь Совета безопасности РФ А. Лебедь и чеченский лидер А. Масхадов подписали соглашения о принципах определения основ взаимоотношений между РФ и Чеченской Республикой и заявление о прекращении боевых действий⁸. Анализ документов соглашений показывает, что мирный договор, заключенный в Хасавюрте, был капитуляцией России да еще с контрибуцией «на восстановление Чечни».

В январе 1997 г. в «побежденной» по словам Б. Ельцина Чечне состоялись «свободные президентские выборы». 2 февраля Президентом Чечни был избран Масхадов. Соперники А. Масхадова заявили, что в оппозицию к избранному президенту становиться не будут, ибо пока, по их мнению, он – на верном пути. Тем не менее разоренная, заполненная оружием и вооруженными людьми Чечня не могла быть гарантирована ни от вспышки внутренней между-

⁶ Ляховский А. Указ. соч. С. 394.

⁷ Свободная мысль. 1996. № 11. С. 21.

⁸ Ляховский А. Указ. соч. С. 407-408.

усобицы, ни от продолжения конфликта с Россией. События последующих лет подтвердили этот очевидный прогноз.

А.Г. Шустров

Город в христианской модели мысли

Начиная рассмотрение вопроса, необходимо помнить, что христианство не является какой-либо особой философской теорией. Это религиозное учение, имеющее мистические корни, ставящее задачей спасение человека от смерти. Слово Церкви серьёзнейшим образом отличается от спекуляций рационалистической мысли. Оно основано на духовном опыте и практике.

Впервые в Священном Писании город упоминается в книге Бытия. Основателем его является Каин. Он построил город и назвал его по имени своего сына Еноха. Святитель Филарет (Дроздов) в «Толковании на книгу Бытия» пишет, что городом евреи называют всякое ограждённое селение. Истинное стремление к этому Каина заключалось в страхе быть убитому. «Таким образом, первый город создается первым изгнанником земли, и тем, который не ожидал града, имеющего непоколебимое основание, которого зодчий и основатель есть Бог (Евр. XI. 10)». Таким образом, в соответствии со своим наименованием, город изначально понимается как огороженное, отделённое пространство, земля. Такая точка зрения, что город начинается с окружения крепостной стеной открытого участка, встречается и у советских авторов. Церковное сознание идёт глубже. Оно видит за реально существующим историческим городом духовное состояние человека, отпавшего от живой связи с Богом. Город – это духовно угасший человек, когда он остался наедине со своим составом (землёй, т.к. при сотворении был взят из неё). Видимое ограждение площади крепостными стенами свидетельствует о духовном падении человека. Христианство не связывает урбогенез с социально-экономическими или политическими факторами. Для него это событие носит духовный и психологический характер. Основа всему – отпадение от Бога. Как пишет преподобный Иоанн Лествичник, где совершилось грехопа-

дение, там, прежде, водворялась *гордость*. Корневая общность слов «город» и «гордость» доказывает общность смыслов. Таким образом, город является началом изменения человеческой природы. Её дальнейшая эволюция осуществляется в этих условиях и формах, пока не достигает своего предела. Этапы падения человека соответствуют этапам Божественного Домостроительства. В «Собеседованиях египетских отцов» преподобного Иоанна Кассиана Римлянина мы читаем, что Бог вложил в сердца уже изменившихся людей естественное стремление к добру и благу. Дальнейшее искажение природы человечества требовало писанного закона в помощь естественному. Когда же и тот оказывается бессильным, Домостроительство венчается воплощением второго лица Троицы Бога Слова. Христианская мысль доказывает, что эволюция человеческой природы в целом не поступательна, а нисходяща. Поэтому город в христианском языке символизирует предельное падение нравов, которые застал в земной жизни Иисус Христос. Это состояние человечества в эру по Его Рождеству продлится до конца света и второго Его пришествия.

С позиции христианского вероучения грехопадение изменило природу человека. Своими силами он сам её не может восстановить. Хотя город развивается как результат этого, но необходимо ещё усматривать отношение человека к своему новому состоянию. Священное Писание указывает на два случая: в первом из них человек расценивает своё положение на земле как законное наказание за нарушение заповеди и своим покаянием, а также служением Господу ожидает Его прощения и восстановления или *возрождения в первоначальном* виде. Такой тип поселения соответственно городом не является. Другое возможное отношение к реальности позволяет человеку приспособиться к земле, что противозачинственно, и искать для себя телесных выгод и наслаждений. Опираясь на этот приспособительный механизм, называемый *культурой*, он противопоставляет себя активно Творцу. Место изгнания превращается в обоснование нового жительства. Время, отведённое для внутренней работы, покаяния и духовного плача о потерянном рае, используется для празднеств, утверждающих новое положение человечества. Даже тяжёлый труд на земле преследует цели гарантированной обеспеченности и отдыха. Продолжая чтение книги Бытия, мы видим, что в потомстве Еноха изобретаются орудия для

обработки почв, открывается металл, а также появляются музыкальные инструменты для увеселения. Игнатий Брянчанинов пишет: «Падение человека так глубоко повредило его, что он, отвергнув жизнь плача на земле, избрал на ней жизнь наслаждений и вещественного преуспевания, как бы торжествуя и празднуя самое падение своё. К этой жизни плотского наслаждения и преуспевания, убивающей жизнь для Бога, уже начали склоняться некоторые из детей Адама, мало внимая повести о рае и духовном состоянии человека... Внуки Адама ещё более устремились к развитию вещественной жизни на земле с забвением о вечности. Сюда, наконец, устремилось всё его потомство, за исключением немногих избранных мужей, считая сказание о рае баснею, изобретением суеверного воображения».

Принцип выпадения из предшествующего состояния, выделения для самостоятельного существования служит основой урбогенеза. Это термин мифологического сознания, соотносящий два состояния общества: докультурное, внутриутробное, где отсутствует дифференциация, расчленение, противоречие, в целом – процесс мышления, и культурное, связанное с другой реальностью, где есть разделение на субъект и объект и где эта реальность чужда человеку и не освоена им. Этот новый мир, с которым столкнулся человек, оказывается замкнутым. В нём существует неизменная последовательность и действуют непреодолимые силы. Всё это вместе и обозначается термином «уроборос», который символически изображается в виде закусившей свой хвост змеи. Мифологическое сознание народов за последние двести лет изучено хорошо. Работы, посвящённые этой проблеме, стали классическими. Речь идёт об исследованиях Э. Тайлора, Л. Леви-Брюля, Кл. Леви-Стросса, Дж. Фрезера, В. Буслаева, А.Ф. Лосева, В.В. Иванова, В.Н. Топорова, С.А. Токарева, М. Элиаде и других авторов. Общая мысль этих трудов заключена в том, что мифология является универсальной формой мышления, построенного на принципах бинарной логики, которая выражается в оппозициях типа «субъект-объект», «я – не я», «свой – чужой», «внутреннее – внешнее» и т.д. Общей же канвой развития мифологической мысли служит триада: *рай первозданный – рай утраченный – рай приобретённый*. Мифология осознаёт себя находящейся на второй стадии, стадии разделённого бытия, и стремится вернуться в состояние единого,

нерасчленённого сознания. С точки зрения христианского понимания духовной истории и самосознания самого человечества мифология обнаруживает себя как духовный город, выделившийся из предшествующего ему положения. Он не только обособился, но и вынужден обнести себя стеной логического анализа, чертой разделённого бытия. В обычае древних исторических городов было очерчивать себя символическим кругом. Конечно, с позиции современных урбанистических подходов город есть всё последующее за первобытными поселениями, но никак не сама жизнь первобытной общины. Этот взгляд основывается на внешних признаках общества, постоянно текучих: социально-экономических, политических, культурных и т.д. С другой же стороны, внутри социокультурной динамики находятся инвариантные институты или *универсалии*, которые изначально свойственны человеку. К ним относятся инструмент, или культура, семья, хозяйство, власть или самоорганизация, философско-художественные начала. Поэтому приходится признавать, что город с современных исследовательских позиций либо является органическим развитием дуально-родовой общины, а не отторжением её, не желанием выйти из природы, понимаемой как естественная окружающая человека среда, либо признать, что горожанин является другим видом человека, как это было в марксистской методологии, где каждая прошлая ступень прогресса общественно-экономических формаций оказывалась видом ископаемого предка. Христианская же методология истории исходит из признания единства *человеческой природы*. Она видит в человеке, в *первую очередь*, духовное начало. Следовательно, город – это духовный процесс, который свойственен всему человечеству, поэтому он с трудом поддаётся логическим операциям, связанным с определением, о чём говорилось выше.

Основой урбанистического процесса святотеческая традиция считает изменение сознания и природы первоначального человека, раздвоенность его состава, заканчивающегося, в конце концов, смертью. Марк Подвижник пишет: «Всякое мышление есть среднее отношение некоторых крайностей и обоим соприкасается: мыслящему и мыслимому». Как не вспомнить при этом рационалистические операции мифологического мышления, состоящие из постоянно умножающихся пар смысловых оппозиций, описанных К. Леви-Строссом как логика бриколажа. Это отскакивание мысли

от того, что ею совершенно не воспринимается – от конечности человеческого бытия, и абсолютизация самого психологического процесса осмысления, а значит, явно или не явно, и самого человека. (В некоторых современных теориях город понимается как экзистенциальный процесс).

Содержание

Албегова И.Ф.

**Кредитная система оценки знаний студентов
как социальная инновация.....3**

Афонин М.В.

**Проблема контроля над оружием массового уничтожения в
повестках дня саммитов «Группы восьми».....8**

Бабак Ю.В., Афонин М.В.

**Институт ювенальной юстиции как элемент системы
защиты прав ребенка 15**

Васильев В.Ф.

Вопрос об исходном пункте модерна/постмодерна..... 18

Гайнутдинов Т.Р.

Имя “Другого”20

Киселев И.Ю., Смирнова А.Г.

**Россия в «Группе восьми»: восприятие идентичности
и статуса23**

Корнилов В.И.

**Особенности социальной политики в условиях рыночной
экономики27**

Кудрина С.А.

**Предмет социологии духовной жизни:
основные подходы30**

Кузин С.Н.

**Народное образование в Даниловском уезде
(конец XIX – начало XX в.)32**

Кузьмичева Л.О.

**Расширение ЕС (2004): последствия для Общей внешней
политики и политики безопасности Европейского
союза36**

<i>Кукина Н.В.</i>	
Особенности выборов в Государственную Думу РФ (декабрь 2007 г.) как фактор дальнейшего укрепления парламентаризма в России	41
<i>Нажмудинов Г.М.</i>	
К диалектике целостности человека.....	46
<i>Попова И.В., Буторина А.А.</i>	
Актуальные проблемы развития социальной структуры современного российского общества	49
<i>Руденко Л.Д., Афонин М.В.</i>	
Эволюция подходов к решению проблемы терроризма в рамках «Большой восьмерки»	54
<i>Рутковский М.А., Слепцов Е.Я.</i>	
Общие черты и тенденции в исследовании проблемы РСДРП в первой российской революции в отечественной историографии 60-90-х годов XX века	57
<i>Рутковский М.А., Заец С.В.</i>	
Мюнхенское соглашение 1938 г. и Польша	61
<i>Смирнова А.Г.</i>	
Неопределенность как фактор восприятия угрозы распространения ядерного оружия	64
<i>Соколов А.В., Лабунский А.Л.</i>	
Нормативно правовая база, регламентирующая участие граждан в процессе принятия решений на региональном и муниципальном уровнях.....	69
<i>Соловьева Н.А., Албегова И.Ф.</i>	
Формирование, развитие и совершенствование коммуникативной компетенции у студентов как одна из целей учебно-воспитательного процесса	74

<i>Уткин П.Г.</i> Специфика создания и деятельности российских общественно-политических молодежных организаций	85
<i>Шатохин А.Г.</i> Совершенствование системы подготовки и переподготовки работников	90
<i>Шатохин И.Г.</i> Особенности института обязательного пенсионного страхования в России.....	93
<i>Штарев П.В.</i> Безопасность: концептуализация представлений	95
<i>Шокин С.Д.</i> Первая Чеченская война: истоки и начало (1991 – 1997 гг.)	100
<i>Шустров А.Г.</i> Город в христианской модели мысли	105

Научное издание

**Вестник
социально-политических
наук**

Выпуск 8

Редактор, корректор И.В. Бунакова
Компьютерная верстка И.Н. Ивановой

Подписано в печать 30.05.2008. Формат 60x84/16.
Бумага тип. Усл. печ. л. 6,97. Уч.-изд. л. 5,36.
Тираж 50 экз. Заказ .

Оригинал-макет подготовлен
в редакционно-издательском отделе
Ярославского государственного университета.
150000 Ярославль, ул. Советская, 14.

Отпечатано
ООО «Ремдер» ЛР ИД № 06151 от 26.10.2001.
г. Ярославль, пр. Октября, 94, оф. 37
тел. (4852) 73-35-03, 58-03-48, факс 58-03-49.

